

**ИЗДАНИЕ КУЛЬТУРНО-ПРОСВѢТИТЕЛЬН. ОБЩЕСТВА
ИМЕНИ АЛЕКСАНДРА ДУХНОВИЧА ВЪ УЖГОРОДѢ**

ВЫПУСКЪ 66.

Д-ръ Степанъ А. Фенцикъ

Чехословаки и Карпатороссы

(1919—1929).

Ужгородъ
Типографія О-ва «Школьная Помощь»
1929

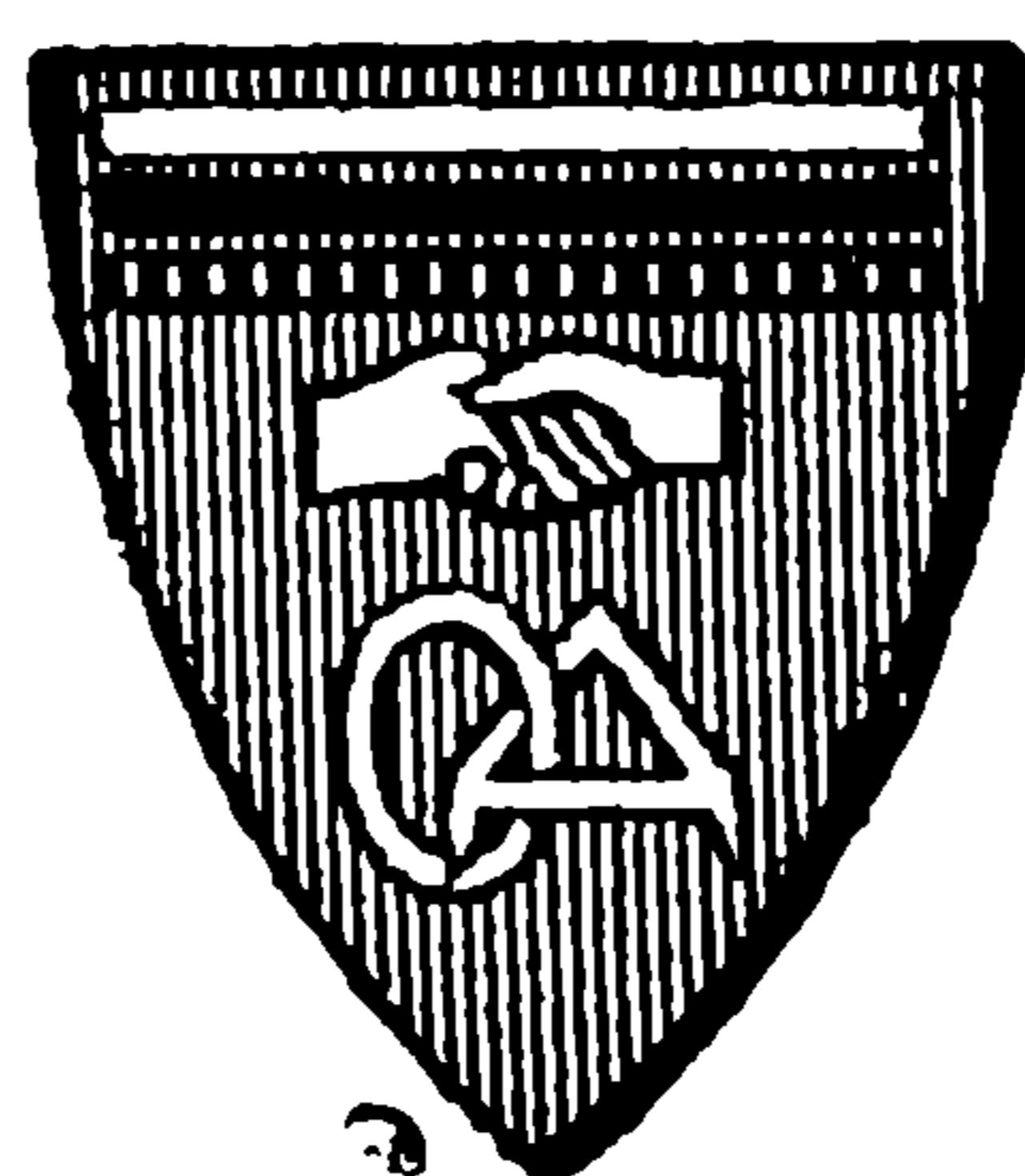
ИЗДАНИЕ КУЛЬТУРНО-ПРОСВѢТИТЕЛЬН. ОБЩЕСТВА ИМЕНИ АЛЕКСАНДРА ДУХНОВИЧА ВЪ УЖГОРОДѢ

ВЫПУСКЪ 66.

Д-ръ Степанъ А. Фенцикъ

Чехословаки и Карпатороссы

(1919—1929).

У ж г о р о д ъ
Типографія О-ва «Школьная Помощь»
1929

I.

Чехословаки и Карпатороссы.

Въ настоящемъ году истекло десять лѣтъ со дня добровольного присоединенія Подкарпатской Руси къ Чехословакской республикѣ.

Послѣ Великой Войны 1914—1918 годовъ политическая карта средней Европы измѣнилась до неузнаваемости. Распадалась, какъ подъ вліяніемъ военныхъ событій, такъ и путемъ продолжительного и закономѣрнаго декаданса могущественнѣйшая держава центральной Европы — двуединая по смыслу диктатуры и «лоскутная» по національному и культурному существу Австро-Венгерская монархія. Ея территорія вошла въ комбинацію шести новыхъ государствъ, которыя въ историческо-національномъ отношеніи, конечно, новыми назвать нельзя. Поскольку эти комбинаціи создавались на основаніи лозунга, брошенного Вильсономъ, постъльку въ ихъ основу полагалась историческая національно-правовая свобода отдельныхъ народовъ, входившихъ либо въ цѣломъ, либо частями въ составъ двуединой монархіи. Державы - побѣдительницы въ установлениі новой карты средней Европы, принимая положенія Вильсона, содѣйствовали этому національно-правовому самоопределѣленію народностей, въ то время какъ побѣженныя державы, храня вынужденную пассивность и выжидая иной ситуациіи и соотношенія силъ, несомнѣнно питали нѣкоторую надежду на ту вѣковую національно-государственную ассимиляцію, которая несомнѣнно имѣла мѣсто во всѣхъ новыхъ государственныхъ самообразованіяхъ. Такимъ образомъ, помимо борьбы дипломатовъ и политиковъ по поводу «несовершенства» новой карты средней Европы, имѣлся расчетъ и на то, что въ силу материальныхъ и идейныхъ соображеній эта борьба перекинется и въ среду національно-общественной жизни, что чехъ или полякъ австрофиль возстанетъ противъ чеха и поляка патріота, что словакъ и карпатороссъ мадьярофиль — «мадьяронъ» — будутъ бороться другъ противъ друга. Этотъ расчетъ, съ психологической точки зрењія, не-

сомнѣнно имѣлъ свои основанія, однако онъ оказался неправильнымъ съ точки зрењія и количественной и качественной. Конечно, возсоздавать родную культуру въ широкомъ смыслѣ слова, послѣ того, какъ она вѣками была угнетаема, трудъ не легкій, гораздо проще было-бы пользоваться старыми услугами австрійско-нѣмецкой и мадьярской національ-государственной ассимиляціи, однако коэфіціэнтъ этой трудности оказался значительно ниже коэфіціента того національного вдохновенія, который слишкомъ неточно учитывался нѣмцами и мадьярами. Что этотъ расчетъ былъ – явствуетъ изъ цѣлаго ряда фактовъ послѣдняго десятилѣтія, вѣрнѣе первого десятилѣтія существованія новыхъ государственныхъ самообразованій. Для насъ, карпатороссовъ, достаточно упомянуть только о такъ называемой «акціи Роттермера», чтобы стало понятнымъ въ какой мѣрѣ мадьяры расчитывали на плоды своей вѣковой ассимиляціи по отношенію къ намъ, въ какой мѣрѣ они надѣялись, что при первыхъ же внутреннихъ треніяхъ, естественныхъ при каждомъ дѣлѣ, а не только въ государственномъ строительствѣ, да еще на демократическихъ началахъ допускающихъ возможность свободного конфликта, карпатороссы-мадьяроны окажется побѣдителемъ карпаторосса-патріота.

Въ силу такихъ расчетовъ ноднократно высказывалась и идея пересмотра договоровъ, положившихъ основаніе новыхъ государственныхъ особей. И здѣсь подъ видомъ свободы національного выбора, конечно имѣется расчетъ на недостаточность національного самосознанія, особенно при полной безответственности газетныхъ обѣщаній, существующихъ мы, впрочемъ, неоднократно испытывали на себѣ въ теченіи сожительства съ мадьярами.

* * *

Почему Подкарпатская Русь въ моментъ свободного изъявленія своей воли отказалась отъ дальнѣйшаго покровительства мадьяръ и присоединилась къ Чехословакской республикѣ?

Многіе политики и мыслители пытались отвѣтить на этотъ вопросъ. Проф. Викторъ Дворскій, разсматривая Подкарпатскую Русь, какъ область, указываетъ на ея гидрографическое родство съ территоріей Чехословакской республики. Д-ръ Антонинъ Гайнъ на этотъ же вопросъ отвѣчаетъ съ точки зрењія международной политики: «принадлежность

Подкарпатской Руси къ нашей республикѣ является международной необходимостью». Есть мнѣніе, что карпатороссы высказали свое рѣшеніе о присоединеніи, основываясь на своемъ славянскомъ чувствѣ. Есть мнѣніе, что мы отвергли единство съ мадьярами въ силу легкомысленныхъ поисковъ лучшаго, то-есть по пословицѣ малороссовъ: «хочъ гирше та инше». Высказываютъ и то соображеніе, что наша видимая добровольность фактически продиктована намъ державами-побѣдительницами. И т. д.

Мы не станемъ подробно останавливаться на всѣхъ этихъ мнѣніяхъ. Извѣстная доля умозрительной правды въ нихъ, возможно, имѣется. Возможно, что и чувства отдельныхъ лицъ руководствовались только инстинктомъ. Однако вся эта доля правды, конечно, не является для всѣхъ насъ и для нашего народа той полной правдой, въ силу которой мы приняли отвѣтственное рѣшеніе.

Мы полагаемъ, что нашимъ рѣшеніемъ непосредственно руководили не умозрительныя соображенія, но то историческое національное чувство, которое самихъ насъ вѣками удерживало отъ полной денационализациі. Главнѣйшимъ поводомъ къ нашему рѣшенію была историческая традиція.

Основаніе Чехословацкой республики, въ томъ видѣ, какъ мы ее находимъ въ настоящее время, несомнѣнно принадлежитъ чехамъ. И словаки и тѣмъ болѣе карпатороссы, какъ народы національно, культурно и материально дезорганизованные ко времени переворота, не въ состояніи были принять на себя руководящую роль въ установленіи идеи республики, но они имѣли достаточно силъ и причинъ, чтобы активно участвовать въ ея организаціи. Карпатороссы присоединились къ республикѣ не по примѣру словаковъ и не въ силу территоріального сосѣдства, но изъ побужденія той исторической традиціи, которую предуказывали преданія и вожди нашего народа.

Всѣ причины оправдывающіе присоединеніе Подкарпатской Руси къ Чехословацкой республикѣ могутъ быть опровергаемы и приниматься какъ условныя, но причины вѣкового стремленія народа, запечатленныя въ его литературѣ и жизни могутъ быть только доказательствомъ, но не опроверженіемъ совершившагося факта присоединенія.

На первый взглядъ наше утвержденіе можетъ показаться нѣсколько страннымъ. Чехи волею историческихъ су-

<http://rusyns-library.org> – «Русинська Бібліотека - ІІФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015
дебъ имѣли дѣло съ Вѣной и нѣмецкой оріентаціей, карпатороссы всегда были пасынками Будапешта и въ теченіи вѣковъ были предметомъ мадьярской ассимиляціи. Историческая свѣдѣнія о взаимоотношеніяхъ чеховъ и карпатороссовъ по числу своему весьма немногочисленны — откуда же могла возникнуть та національная традиція, та вѣками обоснованная причина, которая связала воедино и не случайно Подкарпатскую Русь съ прочими землями Чехословацкой республики? Вѣдь гораздо было-бы естественнѣе предположить, что ввиду многолѣтняго, не только политического, но и обще-бытового сожительства съ мадьярами карпатороссы съ большимъ основаніемъ могли-бы оставаться и дальше вмѣстѣ съ мадьярами. Вѣдь культура и языкъ мадьяръ благодаря вѣковой ассимиляціи, былъ карпатороссамъ значительно доступнѣе, нежели чешскій языкъ. Въ силу семейныхъ отношеній между мадьярами и карпатороссами образовалось уже кровное родство. Хозяйственно-матеріальная отношения карпатороссовъ опирались исключительно на мадьярскую промышленность и землевладѣніе.

Всѣхъ этихъ данныхъ въ пользу мадьяръ отрицать не приходится, но что помимо этихъ условій было еще нѣчто значительно большее явствуетъ изъ самого факта послѣдняго рѣшенія карпатороссовъ не въ пользу мадьяръ, но во имя того, что владѣло душей карпатороссовъ, несмотря на вѣковое сожительство съ мадьярами и что ими не было учено ни во время ихъ «двуединаго» благоденствія, ни въ эпоху многорѣчивой «ротерміады».

* * *

Для того, чтобы понять это неучченное, смыслъ вѣковой политической и культурно-національной традиціи карпатороссовъ, необходимо обратиться къ нѣкоторымъ фактамъ исторіи и культурныхъ взаимоотношений съ чехословаками.

Въ настоящее время безпристрастной исторіей признано, что russkie за Карпаты проникли нѣсколькими группами. Первая группа обосновалась на територіи нынѣшней Подкарпатской Руси еще до прихода мадьяръ, вторая проникла уже совмѣстно съ мадьярами.

Обычно указывается при попыткѣ реставраціи картинъ быта russкихъ на Карпатахъ, что они появились въ «младенческомъ» культурномъ возрастѣ и занимались пастушествомъ и хлѣбопашествомъ. Къ массѣ такое положеніе отнести возможно, однако есть факты говорящіе и о большемъ. Достаточно вспомнить, что нѣкоторые ученые пола-

<http://rusyns-library.org> – «Русинська Бібліотека - ІИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015 гають, что столь важные памятники древней русской литературы, какъ «Супрасльская Рукопись», «Саввина книга» и даже знаменитое Остромирово Евангеліе въ первой своей части — могли возникнуть на карпаторусской почвѣ. Старѣйшіе глаголические памятники — «Кievskie отрывки» и «Пражскіе отрывки» тоже дали поводъ предполагать ихъ возникновеніе въ русской средѣ, проживающей на Карпатахъ, т. е. между Киевомъ и Прагою, какъ древнѣйшими центрами славянской культуры вообще. Было-бы весьма трудно найти оправданіе почему русскій глаголической памятникъ изъ Киевской Руси оказался въ Прагѣ непосредственно. Но зато, если предположить, что «Пражскіе отрывки» возникли въ карпаторусской средѣ, подобно тому, какъ и «Кievskie», путь проникновенія ихъ въ оба культурные центра становится вполнѣ естественнымъ. Въ древнія времена русскіе подъ Карпатами имѣли связь и съ прочей Русью и съ чешскими землями.

* * *

Каковы были эти древнѣйшія сношенія чеховъ и карпатороссовъ?

Мы знаемъ, что центромъ культурной жизни древней Руси была церковь, а въ частности монастыри, какъ первые очаги грамотности и просвѣщенія. Мірскіе просвѣщенные люди были крайне рѣдкимъ, даже исключительнымъ явленіемъ, но и они черпали свои знанія изъ книгъ вышедшихъ изъ церковной среды. Поэтому не только вполнѣ естественно, но и въ прямомъ соотвѣтствіи именно съ укладомъ русской жизни было то, что чешско-карпаторускія древнѣйшія взаимоотношенія связаны съ интересомъ къ духовному просвѣщенію и судьбой монастырской жизни.

Чешскій король Пржемыслъ Отокаръ былъ женатъ на дочери русского князя Ростислава — Кунгутѣ; несомнѣнно, что при его дворѣ были русские люди, но откуда они прибыли, сказать трудно. Зато по словамъ Аулорегинскаго нѣмецкаго лѣтописца сынъ Кунгуты Вацлавъ II, король чешскій, несомнѣнно подъ вліяніемъ придворнаго окруженія своей матери, любилъ слушать славянское богослуженіе, которое отправляли монахи, вызванные изъ Угорской, нынѣ Подкарпатской Руси. Если мы вспомнимъ, что въ ту отдаленную пору религіозная жизнь включала въ себя и общекультурныя и эстетическія стремленія человѣка, то и это краткое сообщеніе достаточно явно покажетъ, что культурныя взаимоотношенія между чехами и русскими изъ Угорской Руси существовали уже и въ пору стараго чешскаго

королевства. Что они не ограничивались только придворнымъ кругомъ и вліяніемъ русской Кунгуты видно изъ другихъ фактовъ. Такъ напр. въ XI вѣкѣ монахи Сазавскаго монастыря за славянское богослуженіе были изгнаны и нашли пристанище въ монастырѣ Угорской Руси — въ Терновѣ. Значительно позднѣе, т.е. уже послѣ гуситскихъ войнъ чешскій книгопечатникъ, имѣвшій свою типографію въ Краковѣ и преслѣдуемый архіепископомъ за «гуситскую ересь» Швайтполтъ Фѣоль (Сватоплукъ Фіала), перенесъ свою печатню изъ Польши тоже на Подкарпатскую Русь, гдѣ и обучалъ печатному дѣлу мѣстныхъ жителей, въ частности Андрея Ториснянскаго, позднѣе открывшаго кириллицкую типографію въ Венеціи (XVI в.). Изъ исторіи этихъ бѣгствъ яствуетъ, что въ то время, какъ на западѣ и въ Польшѣ исключительное владычество получало латинское по духу католичество, именно Подкарпатская Русь все еще оставалась тѣмъ пристанищемъ и очагомъ, гдѣ преобладалъ славянскій характеръ религіи.

Любопытенъ и примѣръ изъ другой области и эпохи. Какъ извѣстно, выдающійся чешскій педагогъ и мыслитель Янъ Амосъ Коменскій, изгнанный изъ своего отечества, нашелъ пристанище у мадьярскаго князя Юрія Ракоція. Здѣсь, размышляя надъ судьбами чешского народа и устанавливая условія народнаго благоденствія вообще, чешскій философъ говоритъ также и о карпатороссахъ и при этомъ предостерегаетъ венгерскихъ князей передъ напрасной мадьяризацией угорскихъ русскихъ. Это сочиненіе А. Коменскаго относится къ 1659 году и называется „*Gentis Felicitas*“. На первый взглядъ эта мысль чешского философа, высказанная только попутно, имѣть только прикладное значеніе, однако, если учесть всѣ тѣ обстоятельства, при которыхъ она была высказана, необходимо признать, что у просвѣщенѣйшаго по своему времени чеха искренне болѣло сердце за русскій народъ Прикарпатья, потому что нужно было имѣть достаточную смѣлость высказать эту мысль тому своему покровителю, который изъ милости принялъ его въ свой домъ и, конечно, ожидать найти въ немъ своего дипломатичаго апологета, а не корректора національныхъ въ мадьярскомъ смыслѣ и революціонныхъ въ отношеніи къ австрійскому двору дѣйствій. Вѣдь именно князья Ракоціи должны были учитывать самостоятельную національную значимость карпатороссовъ, ибо въ борьбѣ за мадьярскую самостоятельность они почти наполовину опирались на тѣхъ

рутеновъ, которые въ мирное время, говоря правдиво, были классомъ домашнихъ животныхъ съ правомъ мадьяризоваться и тѣмъ возвышать свою личную значимость. Было-ли известно карпатороссамъ внимательное отношение къ ихъ судьбамъ со стороны чешского изгнанника? Несомнѣнно было, потому, что и много лѣтъ спустя, когда состоялись торжества по поводу 300-лѣтія со дня рожденія Кменскаго, единственный въ 1892 году независимый отъ мадьярской субвенціи органъ карпатороссовъ «Листокъ» это событие подробно отмѣчаетъ на своихъ страницахъ, указывая, что, кромѣ Праги, празднества состоялись «въ Берлинѣ и прочихъ центрахъ западно-европейской культурной жизни».

Мы не будемъ приводить болѣе мелкихъ фактовъ чешско-карпаторусской взаимности старшаго периода. Достаточно сказанного для того, чтобы считать эти взаимоотношения несомнѣнными и благопріятными. Наше настоящее вытекаетъ не изъ случайныхъ культурныхъ связей съ чехами въ прошломъ, но базируется всецѣло на томъ крупнѣйшемъ общественно - національномъ движениі, которое принято называть славянофильствомъ и которое конкретизировано было въ половинѣ прошлаго столѣтія именно благодаря чехамъ. Укажу только, что патріархъ славистики І. Добровскій тоже вызвалъ интересъ въ карпаторусской средѣ, и его книги имѣются въ старыхъ книгохранилищахъ просвѣщенныхъ угорскихъ русскихъ, какъ напр., І. Чурговичъ и другіе.

Середина XIX столѣтія была по своимъ культурно-национальнымъ движеніямъ въ средѣ славянства особенно многозначительна для Австро-Венгрии. Мы, карпатороссы, и по сю пору исчисляемъ свое «новое время» мадьярскаго режима отъ 1848 года. Однако, эту дату не слѣдуетъ считать слишкомъ точной. 1848 годъ былъ только кульминационнымъ пунктомъ того, что оформлялось десятками лѣтъ и что имѣло свои послѣдствія не только до войны, но и повлияло на ея итоги при развалѣ двуединой монархіи. Чехи всегда отличались національной стойкостью, это очевидное слѣдствіе всей ихъ исторіи, но начало XIX вѣка было для нихъ особенно благопріятно. Если ранній романтизмъ въ искусствѣ, а затѣмъ и въ наукѣ, вызвалъ интересъ къ древнимъ пѣснямъ и преданіямъ, точнѣе къ тому, что мы называем изустнымъ народнымъ творчествомъ, сначала въ эстетическомъ отношеніи, а затѣмъ и въ національномъ, что мы наблюдаемъ у всѣхъ народовъ Европы, а въ частности и у

всѣхъ славянъ, то въ Чехіи это движеніе, благодаря дарованію и исключительному усердію нѣсколькихъ лицъ, вскорѣ вылилось въ совершенно своеобразную постановку вопроса о славянской значимости. Съ легкой руки братьевъ Гrimmовъ въ Германіи, вопросъ къ археологическому, въ широкомъ смыслѣ слова, прошлому славянства принялъ размѣры необычайные. Въ Россіи и прежде было движеніе въ пользу славянъ, но оно исходило отъ туманного чувства сердца въ смыслѣ помощи или состраданія къ отдельнымъ славянскимъ народамъ. Чехи этому туманному чувству дали базисъ, надѣемся несокрушимый, несмотря на его слишкомъ релятивистическую трактовку со стороны нѣкоторыхъ чешскихъ идеологовъ настоящаго времени.

Янъ Колларъ, словакъ родомъ и первый чехословакъ по духу, въ своей поэмѣ «Дочь Славы» поэтическимъ вдохновенiemъ воскрешаетъ память о Матери-Славѣ и въ формѣ глубокой вѣры въ ея воскресенье вѣщаетъ славянамъ обѣ ихъ поэтическомъ прошломъ. Всльдъ за этой метафизической основой Всеславянства, свободнаго славянскаго дружества, кровности, любви другъ къ другу съ надеждой, но безъ расчета, П. І. Шафарикъ съ неменьшимъ вдохновенiemъ началъ откапывать уже вполнѣ реальные останки мифической Славы. Его «Славянскія Древности» — это и понынѣ альфа и омега славянскаго движенія, священная реликвія всѣхъ славянъ. Подъ вліяніемъ Шафарика, назвавшаго имена отдельныхъ славянъ, у всѣхъ славянскихъ подъяремныхъ народовъ начинаются попытки осознать свое прошлое, чтобы установить свое лицо въ настоящемъ. Не безъ вліянія Шафарика написалъ свою «Исторію Народа Чешскаго» Палацкій, подъ вліяніемъ славянскаго романтизма расцвѣтаетъ сербскій интересъ къ родному эпосу, карпатороссъ по рожденію и россіянинъ по культурному масштабу Ю. Венелинъ-Гуца точно по методу Коллара занимается топографическими именами и по Шафарику откапываетъ изъ глубинъ націонаильнаго забвенія болгарскій народъ и т. д. Наконецъ, въ 1848 году въ Прагѣ, центрѣ славянской идеологии состоится первый «Славянскій Съездъ». Пусть онъ не имѣлъ рѣшающаго значенія въ нашей жизни того времени, но если только учесть тѣ высокія надежды славянскихъ народовъ, которыя они питали къ этому съездзу и тотъ порывъ, съ которымъ слѣдили за его ходомъ, достаточно будетъ, чтобы назвать его первымъ славянскимъ парламентомъ.

Какъ отразилось это славянское движение, исходящее непосредственно изъ Праги Чешской въ Угорской Руси? Отвѣтъ кратокъ и ясенъ: Адольфъ Ивановичъ Добрянскій. Этимъ сказано все. Все не только въ отношеніи эпохи 1848 года, но и включительно до нашего добровольного присоединенія къ Чехословакіи въ 1919 году. На первый взглядъ такое утвержденіе покажется слишкомъ широкимъ и необоснованнымъ, но дѣлаемъ мы его такъ категорически, сознавая полную свою правоту.

Въ жизни мы различаемъ явленіе и его слѣдствія. Явленіе можетъ быть кратковременно, мы можемъ его масштабъ и дѣйственность—недостаточно учитывать, но зато слѣдствія для насъ вполнѣ очевидны, ибо мы ихъ сами переживаемъ. Слѣдствія мы въ силу вышеуказанного не всегда въ достаточной мѣрѣ учитываемъ по отношенію къ явленію и полагаемъ въ ихъ существѣ нѣкоторую самостоятельность. Солнце — явленіе, жизнь земли, какъ мы ведемъ и наблюдаемъ — результатъ солнца. Для насъ Добрянскій въ полной мѣрѣ можетъ восприниматься какъ солнце, а тотъ укладъ общественно-национальной и политической жизни и мечты — есть прямой результатъ его выдающихся талантовъ. Безъ Добрянского не было бы Раковскаго, его ближайшаго друга и апологета, Раковскій вліялъ на Духновича, въ результата усилий Духновича образовалась плеяда карпаторусскихъ писателей, которые приняли и защищали въ своемъ творчествѣ путь намѣченный своимъ «батькомъ». Добрянскій первый почетный предсѣдатель О-ва Василія Великаго, которое было можно сказать оплодотворено его культурно-национальными идеями, Раковскій — его дѣятельный секретарь, «душа Общества». Добрянскій составилъ проэктъ организаціи «русскаго воеводства» въ предѣлахъ Венгрии, а наша автономія Подкарпатской Руси, какъ она опредѣлена конституціей — это воплощеніе его идеала, который мы сохранили до удобнаго момента въ нашихъ душахъ и который по его почину сочли болѣе жизненнымъ, нежели тѣ формы жизни, которыя намъ предлагались мадьярскими политиками.

На жизни и личности Добрянского я подробно останавливаться не буду. Онъ заслуживаетъ спеціального изслѣдованія, попытки собиранія матеріаловъ по этому вопросу уже начаты, мы укажемъ только на его идеологическую путь, поскольку онъ уже достаточно выясненъ,

какъ со стороны русскихъ, такъ и со стороны словаковъ. Въ этомъ отношеніи противорѣчій не встрѣчаемъ: и russkie и чехословаки оцѣниваютъ Адольфа Ивановича прежде всего какъ крупнѣйшаго дѣятеля славянскаго міра, а затѣмъ, какъ карпаторусскаго по происхожденію и russскаго, во всей широтѣ этого понятія, патріота.

Что славянство Добрянского было не только мечтательствомъ, а реформой чисто практическаго характера объ этомъ свидѣтельствуютъ его поступки: онъ является авторомъ работы на французскомъ языкѣ — «Славяне Австріи и Угорщины», онъ является лицомъ ближайшимъ къ штабу генерала Паскевича, пришедшаго усмирять мадьярское восстаніе и только свидѣтелемъ, а не соучастникомъ неудачной капитуляціи нѣсколькихъ мадьярскихъ магнатовъ, въ томъ числѣ и Тисы; созданъ планъ организаціи russскаго воеводства въ предѣлахъ имперіи, онъ обращается съ нимъ прежде всего къ славянскому съѣзду. Эти факты достаточно свидѣтельствуютъ о взглядахъ Добрянского на улучшеніе положенія угро-rossовъ. Ихъ судьбу онъ связываетъ національно съ общимъ russскимъ культурнымъ движеніемъ, но государственно не мыслит ихъ иначе, какъ частью австро-венгерскихъ славянъ. Если славяне имперіи осуществлять въ жизни принадлежащія имъ права, тѣмъ самыемъ и карпато-rossы освободятся отъ рабства. Присоединять Подкарпатскую Русь къ Российской имперіи Добрянскій считалъ неумѣстнымъ не только ввиду ситуаціи того времени, но и по условіямъ вѣкврененныхъ, территоріальныхъ, военныхъ и др. Въ своемъ сочиненіи «О западныхъ границахъ Подкарпатской Руси со временемъ св. Владимира» Добрянскій указываетъ административно-національную границу Руси, но не Россіи. Будучи убѣжденнымъ сторонникомъ славянскаго движенія, а тѣмъ самыемъ и russскимъ патріотомъ, онъ, конечно, не могъ не войти въ ближайшія сношенія съ тѣми, кто сложилъ и обосновалъ научно эту идею, т. е. съ чехами и словаками.

Съ чехами Добрянскій дѣйствовалъ исключительно въ идеологическомъ смыслѣ. Онъ находится въ тѣсной и высокой дружбѣ съ Палацкимъ и Ригромъ, активными выполнителями «Славянскаго Съѣзда», онъ знакомъ съ Ганкой, своеобразнѣйшимъ чешскимъ національ-патріотомъ, онъ почитаетъ Шафарика, какъ своего учителя. Съ чешскими національными вождями онъ состоить въ идейной перепискѣ, которая представляеть собою круп-

ную цѣнность всего славянского движенія и является гордостью карпатороссовъ. Именно съ чешскими вождями онъ приходитъ къ мысли конкретного и интенсивнаго культурно-національного возрожденія славянъ въ Австріи и начинаетъ осуществлять это великое дѣло въ тѣхъ кругахъ, которые были ему наиболѣе близки и доступны. Въ національно-культурномъ возрожденіи карпатороссовъ, словаковъ и галичанъ имя Добрянского вписано золотыми буквами. Онъ достигаетъ того, что на русскихъ земляхъ Венгрии признается русскій языкъ законнымъ для урядовъ, вліяетъ на писателей своей эпохи, является членомъ-учредителемъ Матицы Словацкой, О-ва св. Василія Великаго, студенческихъ славянскихъ кружковъ въ Будапештѣ, объединяетъ галицкихъ національныхъ дѣятелей для совмѣстной работы, знакомится съ судьбами всѣхъ австрійскихъ славянъ. Другими словами, онъ на востокѣ дѣлаетъ все то, что было продумано въ пражскихъ славянскихъ и національныхъ кружкахъ. Чехи опирались на своихъ національныхъ вождей и въ культурно-національномъ объединеніи славянского міра, а въ частности т. наз. «австрійскихъ славянъ», видѣли крупную силу къ воплощению своихъ національныхъ требованій, карпатороссы видѣли въ лицѣ Добрянского мощнаго національнаго вождя и подъ его вліяніемъ улучшеніе своего правового положенія тоже возлагали на славянскую солидарность. Такая общая идеологическая солидарность между чехами и словаками съ одной стороны и карпатороссами съ другой — болѣе полувѣка тому назадъ уже является прообразомъ позднѣйшаго реального, не только національного и культурнаго, но и государственнаго объединенія трехъ племенъ славянства.

* * *

Однако, скажутъ намъ, не слишкомъ - ли вы опираетесь на личность А. И. Добрянского? Не слишкомъ - ли переоцѣниваете его вліяніе на карпаторусскую массу?

Это возможное сомнѣніе со стороны непосвященныхъ и принуждаетъ насъ болѣе подробно остановиться на тѣхъ слѣдствіяхъ, которыя охватываютъ по времени цѣлое полу-столѣtie, предопредѣляютъ національно-культурное возрожденіе карпатороссовъ впредь до ихъ освобожденія и неразрывно связаны съ личностью Адольфа Ивановича, солнца, озарившаго нашъ продолжительный «глубокій сонъ», про-

Доказательствъ колоссального вліянія Добрянского на
наше дальнѣйшее идеологическое развитіе — два.

Первое ощутимо главнымъ образомъ для всѣхъ насть,
карпаторосовъ, второе безпристрастно, научно-исторически
показываетъ насколько идеи Добрянского въ духѣ славяно-
фильства пражской атмосферы подѣйствовали на психоло-
гію карпаторусской общественности и ея лучшихъ пред-
ставителей.

Первое доказательство — это наше личное и со-
временное отношеніе къ Добрянскому. Въ первой науч-
ной попыткѣ осознать нашъ литературный путь за время
отъ первыхъ проблесковъ карпаторусского возрожденія со
времени 1848 года, въ «Очеркахъ карпаторусской литера-
туры со второй половины XIX столѣтія» Павла Федора лич-
ность Добрянского обрисовывается слѣдующими знамена-
тельными словами:

«Въ исторіи отмѣчено, какъ иногда выростаютъ и рас-
крываются цѣлыя эпохи національной и культурной дѣятель-
ности подъ магическимъ вліяніемъ одной личности, самимъ
Богомъ одаренной многими талантами, въ томъ числѣ и да-
ромъ общественной дѣятельности. Вся эпоха карпа-
торусского культурного и національного
возрожденія середины XIX столѣтія, бле-
стящая столькими именами, въ концѣ кон-
цовъ, немыслима безъ Добрянского, какъ
высшаго идеолога... Онъ былъ не только патріо-
томъ своего края, но и выдающимся вождемъ славянофиль-
ства вообще...».

Несмотря на то, что писателемъ-художникомъ Добрян-
скій не былъ, авторъ указанныхъ «Очерковъ» все-же оста-
навливается на его личности прежде, чѣмъ перейти къ под-
линнымъ литераторамъ и поэтамъ, какими былъ Раковскій,
Духновичъ, Попрадовъ, Фенцикъ, Сильвай и другіе. Все это
сдѣлано не случайно, все это законно оправдываетъ чувство
нашего сердца и ума, постоянно обращающихся къ памяти
великаго вождя.

Въ 1928 году словаки въ Михаловцахъ именно
при открытіи памятника-бюста А. И. Добрянскому создали
подлинный славянскій праздникъ. Въ рѣчахъ на этомъ
празднику, какъ со стороны словаковъ, такъ и со стороны
карпатороссовъ, было выражено желаніе, чтобы въ содру-
жествѣ славянскихъ народовъ нашей республики царилъ

духъ Добрянского. Одновременно вышла блестящая монографія І. Секея о Добрянскомъ, гдѣ онъ описывается, какъ идеальный дѣятель славянского міра, единомышленникъ чешскихъ славянофиловъ, другъ и братъ словацкихъ національныхъ дѣятелей и патріотъ своего края. Именно такимъ онъ представляется и изслѣдователямъ со стороны карпато-rossовъ, а именно П. Федору въ его брошюре «А. И. Добрянскій» и А. В. Попову въ его книжкѣ подъ тѣмъ - же титуломъ.

Если мы въ современности такъ высоко оцѣниваемъ своего вождя и вождя славянъ, а именно, связываемъ съ его именемъ, какъ карпаторосса, имена выдающихся чешскихъ и словацкихъ дѣятелей, то несомнѣнно, что взгляды Добрянского и понынѣ сохранили для насъ свою живую цѣнность.

Но, одновременно съ этимъ, какъ мы уже сказали, Добрянскій оказалъ вліяніе на цѣлую эпоху, при этомъ уже не только авторитетомъ своей могучей личности въ цѣломъ, но и воплощеніемъ своихъ отдельныхъ взглядовъ, а въ частности въ пробужденіи интереса къ славянству съ цѣлью общей работы во имя завоеванія своихъ правъ.

Для примѣра мы остановимся на нѣкоторыхъ печатныхъ изданіяхъ второй половины XIX вѣка, а также на творчествѣ писателей этого времени.

Предварительно только должны отмѣтить, что, если въ идеологіи Добрянского и въ его сочиненіяхъ красной нитью проходитъ идея славянства, какъ свободного въ частяхъ содружества, то типического поэтическаго языка у него въ этомъ отношеніи нѣтъ и, если мы обильно встрѣчаемся именно съ этимъ типическимъ словаремъ, а иногда и цѣлыми образами въ нашей литературѣ второй половины XIX-го вѣка, то это показываетъ только серьезное знакомство нашихъ писателей съ поэтическимъ первоисточникомъ славянства, съ трудами ученыхъ и поэтовъ на славянскомъ поприщѣ, т. е. трудами чеховъ и словаковъ, въ этомъ отношеніи уже и въ тѣ времена явившихъ общее имя — чехословаковъ.

* * *

Мы постараемся дать краткій хронологический обзоръ всего того материала, который связываетъ насъ идейно съ чехословаками, а именно въ отношеніи широкаго интереса къ славянству и особаго интереса къ чехамъ и словакамъ въ особенности. Интересъ къ славянству, какъ пути къ освобожденію, мы заимствовали у чехословаковъ, инте-

ресь къ чехамъ и словакамъ указываетъ на наше давнее единомысліе съ ними, культурное братство и национальное родство.

Уже у Духновича, старшаго современника А. И. Добрянского встрѣчаетъ идею Славы-матери, популяризированную І. Колларомъ:

Русски дѣти, вамъ свѣтаетъ
Ужъ зоричка всходитъ вамъ,
Слава мати васть витаетъ
И зоветъ къ своимъ рядамъ.
Слава, Слава наша мати
Пробудилась отъ сна сновъ
Зачинаетъ царствовати,
Взываєтъ своихъ сыновъ».

Самая идея «царства Славы» несомнѣно взята у Коллара. Что Духновичъ зналъ первоисточники, видно изъ его письма отъ 19 мая 1853 года, гдѣ онъ называетъ чеховъ «братьями» и пишеть: «Чехи утѣшаютъ больну мою душу не мало своими созданіями...».

Аналогичныя идеи находимъ и у «маковицкаго соловья» А. И. Павловича. Такъ напр. въ «Воспоминаньи» о 1848 годѣ онъ говоритъ:

«Благородны дѣти Славы
Избиль, изгналъ въ темны горы,
Изъ луговъ въ пусты дубровы,
И оставилъ безъ подпоры».

Взываю къ міру о свободѣ, Павловичъ мыслить о ней не только для своего народа, но для всѣхъ славянъ и самую пѣсню называетъ «славянорусской».

Десятую часть земного міра
Дѣти матушки Славы занимаютъ,
Плачевно гремитъ славянска лира:
Враги свободы Славянъ оскорбляютъ.

О люди братя ! честны народы,
Соединитесь въ храмѣ свободы !

Ту же тенденцію славянскаго братства проводить онъ и въ «Пѣсни карпаторусской»:

Русская кровь согрѣваетъ
Весь моей жизни составъ,
Русская совѣсть вѣщаетъ:
Помни, что ты русскій Славъ.

Въ «Народной пѣснѣ» съ эпиграфомъ русскимъ и словакимъ поэтъ восклицаетъ:

Перуны поминутъ,
Славяне не сгинуть...

У младшаго современника Добрянского, одного изъ наиболѣе талантливыхъ карпаторусскихъ поэтовъ съ остро развитымъ національнымъ чувствомъ, Ю. И. Ставровскаго-Попрадова находимъ въ этомъ отношеніи цѣлую идеологію.

Въ стихотвореніи «Прощаніе 1870/71», посвященному описанію литературнаго славянско-національнаго кружка, состоящаго изъ трехъ словаковъ, сыновей «Словенки» и внуковъ «Матушки нашей Славы», шести хорватовъ и карпаторосса въ лицѣ Попрадова, руководимаго «сердцемъ» — словакомъ Матѣемъ Гайлой, поэтъ молитъ Бога уничтожить всѣ преграды къ славянскому братству и восклицаетъ:

Братска любовь Славы роды
Солила сице въ одну связь...

Сопоставленіе понятій «сынъ русскій» и «сынъ Славы» находимъ у него въ оригинальномъ автобіографическомъ стихотвореніи «Я Русскій».

Я стыдился, если Славы
Сыномъ называли меня,
Я умолялъ чужи нравы,
Презрѣвъ Русское имя.

. . .
Но успѣвъ, меня озарилъ
Свѣтъ самосознанія...

И съ той поры :

Сыномъ Славы называться
Великое счастье мнѣ,
При Русскихъ нравахъ остаться
Стремлю при каждомъ шагѣ !

Въ горячо и вдохновенно написанной вещи «Отрицателю народности» Попрадовъ рѣшительно не дѣлаетъ различія между карпатороссами и словаками, какъ дѣтьми Славы. Онъ возмущенъ національно противъ того, кто, родившись словакомъ, стыдится своего происхожденія, а значитъ своего славянства :

Ты узрѣлъ во Спишскихъ Горахъ
Свѣтъ, родился Словакомъ.
А кажешь, что ты не хочешь
Быть убогимъ сотакомъ !

Что стыдишься Словацкаго
Рожденья и языка,
Что стыдишься быть Славяномъ
И собственного отца ?
Гдѣ разумъ, гдѣ сердце твое ?
Гдѣ маленька логика ?
Научись любви къ матери
Отъ безумнаго быка !

Еще болѣе остро выступаетъ онъ противъ нѣмца, отрицающаго права славянъ въ стихотвореніи «Отвѣтъ врагу «Славянства». Попрадовъ не менѣе рѣзокъ и къ карпаторусскому безразличью къ народнымъ судьбамъ, въ этомъ отношеніи ни одинъ поэтъ-карпатороссъ не сказалъ своему народу болѣе жестокой истины, чѣмъ Попрадовъ (см. «Отступникамъ народности», «Къ угро-русскимъ», „Lasciate ogni speranza“).

Чисто славянскія темы представляютъ собою его стихи «Къ Славянскимъ Апостоламъ» и особенно «Страданіе Славянъ», гдѣ онъ упоминаетъ всѣхъ славянъ по именамъ и высказываетъ свое чувство къ нимъ.

«И ты мой братъ, дорогой Чехъ,
Дорогой Моравецъ,
Ты терпишь, тебя гонить
Лютый самодержавецъ.
И васъ нѣмецкій элементъ
Лютъ, грозно гонить
И, подъ предлогомъ свободы,
Лютъ васъ истребить !
Охъ, Чехъ, Моравецъ, братъ ты мой,
Понеже ты Славянъ,
Морить, мертвить тебя
Чужій, лютый тиранъ !
А что Словакъ, угорскій Россъ,
Славѣнъ что и Кроатъ,
Что Далматинецъ. Охъ, вѣдь всѣ
Въ монгольскомъ ярмѣ спять !

Что столь обширная славянофильская идеология Ю. А. Попрадова-Ставровского является вліяніемъ Добрянского, видно еще и потому, что вѣдь поэтъ проживалъ и былъ приходникомъ храма въ имѣніи Адольфа Ивановича въ Чережномъ, а также и любимымъ гостемъ его дома.

Отмѣтимъ еще, что при гимназическомъ обученіи Ставровскаго-Попрадова немалую роль сыграли преподаватели чехи. Біографъ поэта пишетъ: «Въ то время преподавательскій персоналъ гимназіи въ Левочѣ составляли чехи, определенные туда въ эпоху министерства Баха. Директоромъ былъ нѣкій Зигель, а профессорами — Нѣдлы, Воячекъ и Дворжакъ, какъ наиболѣе популярные. Преподаваніе шло по нѣмецки, а въ низшихъ классахъ также и по чешски. Ставровскій съ охотой обучался здѣсь и чешскому языку».

Поскольку Духновичъ, Павловичъ и Попрадовъ обратились къ славянофильскимъ мотивамъ въ поэзіи, постольку талантливый писатель и публицистъ по призванію Е. А. Фенцикъ въ своеемъ журналь «Листокъ» удѣлилъ особое вниманіе популяризаціи славянской идеи въ томъ аспектѣ, какъ ее разумѣлъ Добрянскій. Фенцикъ это дѣлалъ на протяженіи восьми лѣтъ, и все, что имъ опубликовано въ этомъ отношеніи, представляеть для насть глубокій интересъ.

Въ 1885 году въ «Листкѣ» напечатаны: переводъ со словацкаго повѣсти «Марина Грузъ», переводъ словацкаго стихотворенія Халупки «Первая встрѣча Славянъ съ римскимъ кесаремъ» (А. Н. М. т. е. А. Н. Майковъ), статья Е. Фенцика «Бѣлыe Хорваты», статьи безъ подписи «Первобытныя жилища Славянъ» и «Торговля древнихъ восточныхъ Славянъ», переводы изъ славянской поэзіи съ краткими замѣчаніями о славянскихъ племенахъ и объ авторахъ стиховъ; съ чешскаго сонетъ Павла I. Шафарика, съ лужицкаго «Моя Родина» А. Зейлера, съ болгарского «Думы» Л. Каравелова, со словинскаго (словѣнскаго) «Сава» Л. Томана, съ сербскаго «Къ моей лирѣ» Л. Мужицкаго, съ хорватскаго «Славянки» И. Кукулевича-Сакчинскаго, со словацкаго «Голосъ Татры» Яна Голаго. Кроме того имѣется точно перепечатанные «образцы старо славянской поэзіи», именно А. Мразовича, а также и пѣсни, какъ «образцы разныхъ русскихъ нарѣчій». Такимъ образомъ за годъ составилась малая антологія славянскихъ поэтовъ.

Въ 1892 году Е. Фенцикъ печатаетъ въ восьми номерахъ «Очеркъ Словацкой поэзіи» и перепечатываетъ кирилицей, не переводя, словацкіе стихи «Не стень родъ мой!» Чамасцена, «Апоѳеозу» Свѣтозара Г. Ваянского, написанную въ честь Амоса Коменскаго, «Вельконоцъ» Мартина Сладковича и др. Самый фактъ такой перепечатки свидѣ-

тельствуетъ о желаніи карпаторусского редактора познакомить своихъ читателей съ образцами поэтическаго творчества ближайшаго славянскаго сосѣда, не посягая на его языкъ. Славянскіе языки — понятны всѣмъ славянамъ, вотъ доводъ перепечатки.

Въ хроникѣ встрѣчаемъ цѣлый рядъ сообщеній о славянскихъ дѣлахъ, а въ частности замѣтки о юбилеѣ А. Коменскаго, о чешской писательницѣ Бертѣ Мюльштейновой, о предполагаемомъ славянскомъ съездѣ въ Прагѣ въ 1892 году съ гордымъ указаніемъ: «Въ тѣкущемъ году славяне выставками своими въ Прагѣ и Загребѣ засвидѣтельствовали передъ міромъ, какъ высоко стоитъ славянская культура. Но эти выставки имѣли еще важнѣйшій результатъ: онѣ ближайше познакомили братскія славянскія племена другъ съ другомъ, на сихъ выставкахъ родилась мысль поддержанія будущую весною всеславянскаго конгресса въ Прагѣ, въ которомъ бы славянскія племена Австро-Венгріи потолковали о своихъ общихъ культурныхъ потребностяхъ и установили программу общаго дѣйствія для достиженія чѣмъ высшаго культурнаго совершенства и благобыта...».

Въ 1886 году чешское общество «Еднота» въ Вѣнѣ организовало 28 сентября торжество памяти св. Вацлава, короля чешскаго, и Фенцикъ съ особымъ удовольствіемъ отмѣчаетъ, что «Еднота» — «на празднество и угро-руссовъ зазываетъ».

Мы останавливаемся на славянской идеологіи, выявившейся въ журналѣ «Листокъ» главнымъ образомъ потому, что изъ всѣхъ журналовъ, какъ мы уже сказали, онѣ былъ наиболѣе рѣшителенъ и независимъ въ своихъ мнѣніяхъ. Но много аналогичнаго материала найдемъ и въ другихъ карпаторусскихъ periodическихъ изданіяхъ, какъ то — въ «Свѣтѣ», «Новомъ Свѣтѣ», «Карпатѣ» и др. Болѣе того, славянскій вопросъ перекочевалъ и въ популярныя изданія для народа, въ своего рода годичную энциклопедію деревенскаго жителя, въ «Календари», которые въ издательской дѣятельности Угорской Руси играли исключительную роль, порою были единственнымъ русскимъ альманахомъ за цѣлый годъ. Такъ напр., календарь Общества св. Василія Великаго, первымъ почетнымъ предсѣдателемъ котораго былъ А. И. Добрянскій, въ 1872 году даетъ статью нѣкоего Аскольда — «О Славянахъ вообще», въ 1874 году въ небольшой книжечкѣ календаря почти весь литературный отдѣль посвященъ славянскимъ дѣламъ. Тутъ имѣется статья

«Нравы и характеръ древнихъ Славянъ» съ оригинальной помѣткой «послѣ Карамзина», что вѣроятно должно обозначать неудачное заимствование чешского текста „*podle Karamzina*“, т. е. по Карамзину. Это примѣчаніе своей ошибкой вскрываетъ источникъ заимствованій. Далѣе идутъ статьи «Славянское населеніе Европы», затѣмъ приводится текстъ перевода «Легенды верхнихъ Лужичанъ» Н. Берга, наконецъ, афоризмъ изъ Коллара съ чешской помѣткой — „*Ján Kollár, Cestopis* стр. 30.«, что снова указываетъ на внимательное чтеніе чешскихъ книгъ въ подлинникѣ. Въ календарѣ того-же издательства отъ 1910 года находимъ обширную статью «Сербы и Болгары» и т. д.

Всѣ эти примѣры наглядно говорятъ, какъ велико было послѣдствіе мощнаго ума Добрянского, а вмѣстѣ съ тѣмъ указываютъ и ту общую платформу, на которой издавна установилось единство національной мысли чехословаковъ и карпатороссовъ. Эта платформа была славянская идея, открытая чехословаками по духу І. Колларомъ и П. І. Шафарикомъ, а впослѣдствіи охватившая и все общественное мнѣніе и значительную часть литературы, какъ чеховъ, такъ и словаковъ. При этомъ любопытно отмѣтить, что у карпатороссовъ славянофильство привилось не только потому, что старшіе славянофили съ надеждой и гордостью взирали на Россію, но и въ наиболѣе конкретно осуществимой и жизненно полезной формѣ славянофильства: въ культурно-национальномъ объединеніи славянъ Австро-Венгріи. Такимъ образомъ, обильно перепечатывая славянофильскія стихотворенія Хомякова и Аксакова, карпатороссы тѣмъ не менѣе по существу были практически гораздо ближе къ чешскимъ славянофиламъ, къ постановкѣ славянского вопроса съ реальной значимостью, а не къ утопическому «rossiйскому морю» съ его всепоглощаемостью. На первый взглядъ это противорѣчить тенденціи карпатороссовъ самихъ культурно влиться въ это «rossiйское море», но здѣсь слѣдуетъ припомнить, что имъ въ этомъ отношеніи представлялся выборъ въ рамкахъ и условіяхъ двуединой монархіи, и они сдѣлали его весьма логично. Можетъ быть это «rossiйское море» и было для нашихъ сердецъ предѣломъ національной мечты, непечатной надеждой, связанной вѣрой въ русскую стихію, но жизненные обстоятельства заставили нашихъ предковъ, храня молчаливо мечту, размышлять о завтрашнемъ днѣ. Эти размышленія и привели карпатороссовъ къ Сент-Жерменскому договору, въ идеалѣ своемъ соотвѣт-

ствующему и плану Добрянскаго о русскомъ воеводствѣ и славянской идеѣ, принятой нами отъ чехословаковъ.

Параллельно съ приведенными нами материалами можетъ возникнуть вопросъ: а каково было отношеніе карпатскихъ писателей и прессы къ мадьярамъ?

Тутъ много писать не приходится. Если о славянахъ и славянскомъ вопросѣ писать было не безопасно и, тѣмъ не менѣе, все-же обѣ этомъ писали, то казалось-бы съ оппортунистической точки зрењія въ тѣхъ-же изданіяхъ должны быть статьи и о взаимоотношеніяхъ съ мадьярами, къ культурѣ которыхъ наши предки были, хотя и искусственно, но настойчиво привиты. Однако, несмотря на всѣ выгоды временного оппортунизма, наши предки этимъ путемъ рѣшительно не воспользовались. Въ «Листкѣ» напр. статей о мадьярской культурной сокровищницѣ нѣтъ ни одного слова. Календари обходятъ мадьяръ полнымъ молчаніемъ, если и встрѣчаемъ слово «мадьярскій», то или въ смыслѣ обозначенія происхожденія урядового лица или въ сухомъ, безъ комментаріевъ, констатированіи факта. Только о двухъ мадьярахъ есть сочувственные замѣтки, а именно обѣ Эганѣ, защитницѣ «угро-русскихъ рабовъ», которому воздвигнутъ былъ карпатороссами и надмогильный памятникъ, и о поэтѣ Петефи съ обязательнымъ указаніемъ, что по происхожденію онъ сербъ (Петровичъ) и въ томъ смыслѣ, что этотъ славянскій талантъ понадобился для того, чтобы мадьярская поэзія достигла мірового значенія.

Болѣе того, выработался даже и особый оригинальный способъ сказать о мадьярскомъ національномъ шовинизмѣ правду: императора Франца-Іосифа прославляли, какъ монарха, даровавшаго славянамъ культурно-національныя права, а попутно били и мадьярскихъ и нѣмецкихъ денационализаторовъ. Въ этомъ отношеніи особенно характерно стихотвореніе Попрадова «Отвѣтъ врагу Славянства». Заклеймивъ нѣмцевъ и «нѣмецкую» систему національного деспотизма, а попутно и всю «дурь, произволъ чиновъ» уже безъ имени народа, поэтъ заканчиваетъ дипломатическимъ восхваленіемъ монарха, впрочемъ и то только условнаго характера:

Хоть онъ царь, хоть самодержецъ,
Все-таки онъ русскихъ отецъ,
Пока славянъ крѣпко любить,
И мы его съ чистыхъ сердецъ.

Зато уже безъ всякой дипломатіи тотъ-же Попрадовъ характеризуетъ мадьяръ въ стихахъ «Страданіе Славянъ»:

Гордый Мадьяръ, дикій Татаръ,
Ты со славянъ ссешь кровь,
Охъ, знай тиранъ, найдетъ тебя
Рука Бога свѣтовъ !
Словакъ — не человѣкъ, кажешь,
Злый нашъ мучитель, ты
Русскаго человѣка презираешь,
Ты сынъ Монголії.
Кроацію ты уже взялъ
Безъ права, якъ злодѣй,
Теперь Далмацію хочешь,
Злый извергъ ты людей ?

Вотъ, приблизительно, то общее мнѣніе къ мадьярскому шовинизму, какое было въ 80 и 90-хъ годахъ у всѣхъ сознательныхъ русскихъ патріотовъ Угорской Руси. Какъ-бы не высока была мадьярская культура, сравнительно съ культурой карпатороссовъ и ближайшихъ ихъ сосѣдей славянскаго племени — словаковъ, все-же съ національной точки зрењія и карпатороссовъ и словаковъ она воспринималась, какъ посяганіе на послѣднія права этихъ народовъ, на ихъ языкъ въ быту, на ихъ преданія, хранимыя въ душѣ.

Отмѣтимъ еще одинъ знаменательный историко-лингвистической фактъ, свидѣтельствующій объ отношеніи къ мадьярскому культурному шовинизму.

Конечно, въ силу историческихъ обстоятельствъ, каждый интеллигентный карпатороссъ, пройдя мадьярскую школу, мадьярскій языкъ зналъ гораздо совереннѣе, нежели свой родной, хранимый только въ деревенскомъ быту и въ церкви. Многіе изъ мадьярскихъ словъ морфологически русифицировались въ обиходѣ настолько, что позабывались русскіе термины. Вѣдь фраза «иду въ варошъ до орвоша» — это не анекдотъ, а символъ національной трагедіи ! И вотъ, когда во второй половинѣ XIX столѣтія началось интенсивное развитіе карпаторусского литературного творчества, мы съ изумленіемъ должны констатировать, что въ карпаторусскихъ печатныхъ изданіяхъ совершенно отсутствуютъ мадьяризмы. Карпаторусскіе писатели сознательно замѣняли мадьярскія, вкоренившіяся въ обычную рѣчь, слова или русскими, или заимствовали ихъ изъ церковно-славянскихъ книгъ, которые въ народѣ назывались

<http://rusyns-library.org> – «Русинська Бібліотека - ІІФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015
тоже русскими, или, наконецъ, предпочитали чехизмы и словакизмы, какъ элементъ родственныи, славянскій. Стихи Духновича изобилуютъ чехизмами, но въ нихъ нѣть мадьяризмовъ, хотя мадьярскій языкъ онъ зналъ въ совершенствѣ, а чешскій только понималъ. Павловичъ одновременно можетъ считаться и карпаторусскимъ поэтомъ на Словакіи и поэтомъ шаришскихъ словаковъ, хотя онъ былъ карпато-росомъ. Онъ высказывался за русскій литературный языкъ, но писалъ «по шаришскому діалекту», признавая его діалектомъ славянскимъ, а потому и достойнымъ сохраненія, какъ орудіемъ противъ мадьярской денационализациі.

Былъ и еще одинъ фактъ, который имѣлъ значеніе въ отношеніяхъ карпатороссовъ къ мадьярамъ.

Въ 1848 году, когда вспыхнуло мадьярское возстаніе, правительство Пешта, озабоченное приближеніемъ русскихъ войскъ подъ командой графа Паскевича, начало въ приказахъ муссировать легенду объ ужасахъ, грозящихъ населенію отъ «москалей», пользуясь при этомъ и урядовыми агитаторами и церковной каѳедрой. Въ публикуемыхъ приказахъ русскіе братья назывались самыми позорными именами, о нихъ писали самыя невѣроятныя выдумки. Министръ внутреннихъ дѣлъ Бартоломей Симере называетъ русскихъ «глупымъ врагомъ», въ приказѣ ministra культовъ Михаила Хорвата читаемъ: «Опасность и гибель угрожаютъ не только отечеству, не только народу, но и свободѣ совѣсти... Габсбургская династія призвала полчища дикаго москаля и языческихъ козаковъ...». Только немногіе интеллигентные люди знали о ложности этихъ офиціальныхъ свѣдѣній, народъ въ лучшемъ случаѣ сомнѣвался въ нихъ. Однако, въ воспоминаніяхъ сохранившихся отъ 1848 года, а именно въ ихъ части, где описывается приходъ русскихъ войскъ, всюду отмѣчается о той радости, какою возгорѣлись карпатороссы, услышавъ отъ «глупаго врага» родныя русскія слова, разсказы о русскихъ людяхъ, о русскомъ обычай и т. д. Вѣна, въ пику мадьярамъ, нѣкоторое время поддерживала мечту о свободѣ «руїеновъ», и искреннее братанье съ русскими солдатами препятствій не встрѣчало, какъ не было гоненій и за утвержденіе, что русскіе — родные братья карпатороссамъ, а не тѣ дикіе звѣри, какъ говорили мадьяры. Слово русскаго солдата въ памяти нашего народа съ этой поры значило больше, чѣмъ всѣ утвержденія мадьярскихъ шовинистовъ. Народъ и въ этомъ отношеніи разочаровался въ правдивости мадьяръ. Попытка распростра-

ненія аналогичныхъ нелѣпыхъ слуховъ о русскихъ въ эпоху Великой войны успѣха не имѣла. Новое поколѣніе русскихъ людей, россіянъ, не видѣло, но оно и въ это время больше довѣряло преданію своихъ отцовъ, чѣмъ рѣчамъ мадьярскихъ агитаторовъ.

Мы въ нашемъ краткомъ очеркѣ коснулись главнымъ образомъ культурно-національной стороны взаимоотношеній карпатороссовъ съ чехословаками и мадьярами, но и этого вполнѣ достаточно къ тому, чтобы день 10 сентября 1919 года считать не результатомъ дѣйствій отдѣльныхъ лицъ или слѣдствіемъ международныхъ интригъ, но днемъ исторически оправданнымъ и осуществляющимъ историческая чаянія нашего народа.

Въ 1919 году Будапешть во внѣшней жизни и въ хозяйственно-матеріальномъ отношеніи былъ для нась ближе Праги, однако чаянія сердца разстояніями не устрашаются. Побѣдило именно наше русское сердце: оно было воспитано нашей культурной традиціей и трудами нашихъ національныхъ вождей въ славянскомъ духѣ, и когда ему было предоставлено право рѣшать, то оно побѣдило доводы вѣками терроризированаго разсудка и направило свои помыслы къ центру великой славянской идеи, идеи содружества австро-венгерскихъ славянъ — къ Прагѣ Чешской.

* * *

Мечта всегда заманчивѣе дѣйствительности, въ томъ случаѣ, если мечтатели одновременно не являются работниками, знающими, что трудовой день самъ по себѣ тяжель и требуетъ напряженія. Чтобы учесть современность необходимо принимать во вниманіе не только фактъ преодолѣванія трудностей, неотъемлемыхъ отъ всякой работы, но главнымъ образомъ тѣ результаты, которые достигнуты этимъ преодоленіемъ. Этотъ психологической моментъ важно отмѣтить въ самомъ началѣ аналитического опыта учета нашихъ десятилѣтнихъ достижений, чтобы люди непосвященные, но пытающіеся изучать жизнь Подкарпатской Руси по периодической печати, не были введены въ заблужденіе тѣмъ многостороннимъ и противорѣчивымъ мнѣніемъ, которое сопутствуетъ веденію положительной работы.

До переворота мнѣніе карпатороссовъ отсутствовало вообще, политico-общественныхъ газетъ не существовало, и даже попытки изданія журналовъ съ признакомъ общественнаго значенія встрѣчали препятствія. Въ этомъ отношеніи

достаточно припомнить издательскія попытки Раковскаго, чтобы понять въ какой скучной мѣрѣ разрѣшалось высказывать взгляды на современность съ карпаторусской точки зрењія. Послѣ переворота отношеніе къ общественному мнѣнію перемѣнилось. Чехословацкая республика, создавъ конституцію на демократическихъ принципахъ, взамѣнъ господства одной націи и полнаго подчиненія ей всѣхъ прочихъ, выдвинула принципъ національного равенства передъ закономъ, свободу партійныхъ оріентацій, какъ политическихъ, такъ и культурныхъ, въ корнѣ измѣнила самую обстановку творческой работы. Взамѣнъ національно и унификаціи въ пользу мадьяръ на Подкарпатской Руси въ настоящее время призваны къ многосторонней творческой работѣ и свободному выраженію своего мнѣнія по всѣмъ вопросамъ жизни четыре націи, составляющія главный контингентъ населенія края: карпатороссы, чехословаки, мадьяры и евреи, не считая болѣе мелкихъ народныхъ единицъ, какъ нѣмцы, румыны и пр. Для того, чтобы наглядно представить національное соотношеніе на Подкарпатской Руси, установившееся къ концу первого десятилѣтія, мы приведемъ нижеслѣдующую приблизительную статистику касательно тѣхъ читаленъ, которыя свободно и при содѣйствіи правительства были основаны по селамъ и городамъ нашего края различными національными толками.

Въ процентномъ отношеніи число читаленъ различныхъ народностей, согласно даннымъ окружныхъ народопросвѣтительныхъ радъ къ 1/III 1929, можетъ быть выражено слѣдующимъ образомъ:

Карпаторусскихъ русской оріентаціи	47,2%
„ украинской оріентаціи	28,6%
Чехословацкихъ	2,8%
Мадьярскихъ	11,6%
Нѣмецкихъ	1,4%
Смѣшанныхъ (карпаторусско-мадьярскихъ и карпаторусско-чехословацкихъ)	8,4%
Итого	100, %

Принявъ во вниманіе, что до переворота имѣли право на существованіе только мадьярскія и нѣмецкія читальни, можно заключить, что 86,8% общаго числа читаленъ являются результатомъ того колосального сдвига, который произошелъ въ культурно-национальномъ отношеніи послѣ пе-

реворота. Эта частная статистика въ извѣстной мѣрѣ можетъ быть приложена и къ прочей культурно-просвѣтительной творческой области отдѣльныхъ народностей на Подкарпатской Руси. Изъ этой статистики въ достаточной мѣрѣ яствуетъ въ какую сторону совершился культурно-національный сдвигъ и какую сложную картину культурно-национальныхъ взаимоотношений представляеть въ настоящее время Подкарпатская Русь сравнительно съ недавнимъ прошлымъ.

Кромѣ этого общаго измѣненія ситуаціи нашего края, во взаимоотношеніяхъ между карпатороссами и чехословаками наступила еще одна важная перемѣна, которая заключается въ томъ, что если до 1919 года между двумя славянскими народами, проживающими въ разныхъ частяхъ бывшаго Австро-Венгерского государства была только идеино-литературная связь, то въ настоящее время эта связь охватила рѣшительно всѣ стороны жизни, начиная отъ областей идеино-творческихъ и кончая областями практическаго характера, хозяйственно-промышленными, административными, теперь, благодаря взаимному сговору, оба народа являются сотрудниками на полѣ государственной и національно-культурной жизни. Изъ акта сговора, естественно, вытекаютъ взаимоотношения необходимаго и обязательнаго характера, какъ для чехословаковъ, такъ и для карпатороссовъ, однако, помимо этихъ, такъ сказать предопределенныхъ взаимоотношений, существуетъ и успѣшно развивается и другая область, которая диктуется чувствомъ свободной симпатіи и которая для насъ представляеть исключительный интересъ. Результаты этихъ добровольныхъ культурно-национальныхъ взаимоотношений мы можемъ наблюдать въ различныхъ областяхъ жизни обоихъ народовъ и въ различныхъ формахъ. Карпаторусская интеллигенція черпаетъ и переносить плоды чешской культуры въ область родной культуры, чехи, заинтересованные оригинальнымъ бытомъ нашихъ сель, нашей природой, охотно интересуются ими и повѣствуютъ о нихъ, наши селяне входятъ въ тѣсную культурную связь съ чехами, приживающими въ ихъ селахъ.

Мы уже указывали, что до переворота между карпатороссами и чехословаками существовали главнымъ образомъ идеино - литературные взаимоотношения. Многія области культурной жизни, требующія непосредственного соприкосновенія, и права на него, оставались совершенно незатронутыми. Чешская музыка, чешскій театръ, чешское изобрази-

тельное искусство совершенно не проникали на Подкарпатскую Русь. Во первыхъ, потому, что эти области у карпато-рассовъ почти не существовали, какъ національное досто-ніе, а, во вторыхъ, потому, что эти области культуры обслуживалъ почти исключительно Будапешть, но, конечно, не принимая во вниманіе тотъ «руенскій» народъ, который признавался существующимъ только по мѣрѣ надобности, а съ 1872 г. былъ обреченъ къ планомѣрной денационализациі.

Чтобы понять и оцѣнить роль Чехословацкой респу-блики, а въ частности и чехословаковъ въ культурной жизни Подкарпатской Руси, слѣдуетъ нѣсколько подробнѣе остановиться на нѣкоторыхъ областяхъ культурной жизни на-шего края за послѣднее десятилѣтіе.

Прежде всего исключительный интересъ представляютъ офиціальные статистическія данные относительно культурно-просвѣтительныхъ организаций на мѣстахъ и ихъ дѣй-ствованія.

Къ 29/XII 1928 г. на Подкарпатской Руси имѣется:

	Карпаторусскихъ						Нѣмецкихъ
	Сель- скихъ*)	О-ва им. А. Дух- новича	Т-ва Про- свѣты	Иныхъ обществъ	Чехосло- вакихъ	Мадьяр- скихъ	
Читаленъ	37	168	101	20	6	26	3
Библіотекъ	136	152	103	20	14	25	3
Театральныхъ кружковъ .	29	79	43	16	15	36	6
Оркестровъ	1	24	9	4	12	6	1
Хоровъ	19	29	15	4	27	14	1
Прочитано лекцій въ 1928 г.	649	3151	718	214	34	382	2

Въ этой статистикѣ все, что относится къ карпаторос-самъ и чехословакамъ, т. е., другими словами, къ славянамъ, возникло только послѣ переворота и рѣшительно ничего аналогичнаго въ прошломъ не имѣть. Все это при Австро-Венгерскомъ правительствѣ не существовало и является ре-зультатомъ жизни освобожденного славянства въ предѣлахъ республики. Это иллюстрируетъ роль государства въ куль-турной жизни на мѣстахъ. Чтобы достойно оцѣнить взаимо-отношенія чехословаковъ и карпаторассовъ въ этой области культурно-національного строительства, слѣдуетъ имѣть въ виду, что, несмотря на вѣковое мадьярское владычество, ме-жду карпатороссами и мадьярами взаимоотношеній не было

*) Часть сельскихъ читаленъ имѣетъ характеръ смѣшанный, въ зависимости отъ національного состава села.

и не могло быть, такъ какъ, кроме 3—4 обществъ культурнаго значенія, у карпатороссовъ ничего не имѣлось, а съ 1904 года вся національно-культурная жизнь карпатороссовъ сводилась къ изданію очередного календаря. Систематическая денационализація въ то время исключала самое понятіе взаимоотношенія, замѣняя его полнымъ поглощеніемъ со стороны господствующаго меньшинства. Отсюда явствуетъ, что и самое понятіе культурно-національныхъ взаимоотношеній между народностями нашего края является продуктомъ послѣдняго десятилѣтія.

* * *

Чехословаковъ на Подкарпатской Руси сравнительно немного, но тамъ, гдѣ они соприкасаются въ жизни съ карпатороссами, можемъ отмѣтить наличие культурной связи и прежде всего на почвѣ того славянофильства, о которомъ мы говорили выше и которое въ прошломъ играло столь значительную роль. Въ области читаленъ это славянофильство проявляется въ томъ, что вмѣсто особыхъ русскихъ и чехословацкихъ читаленъ учреждаются «Славянскія Бесѣды» на равныхъ началахъ, т. е. имѣются чешско-русскія библиотеки, получаются чешскія, словацкія и карпаторусскія газеты, устраиваются чешско-русскія театральныя выступленія, дѣйствуютъ смѣшанные хоры со смѣшаннымъ репертуаромъ и т. д. Въ Хустѣ уже построены «Славянскій Домъ», равно обслуживающій культурныя потребности и чехословаковъ и карпатороссовъ. Почти всѣ карпаторусскія читальни, кроме своихъ газетъ выписываютъ и чешскія газеты, выходящія на Подкарпатской Руси. Правда, въ жизни читаленъ это имѣеть роль скорѣе освѣдомительную, нежели относящуюся къ сознательному культурному взаимоотношенію, однако, косвенно учитывать этотъ фактъ необходимо.

Мы указывали на существованіе при «Славянскихъ Бесѣдахъ» чешско-русскихъ библиотекъ, кроме того такого рода смѣшанныя библиотеки существуютъ и въ рядѣ городовъ, при чемъ любопытно отмѣтить, что чешскія книги читають не столько сами чехи, которыхъ по количеству немного, но карпатороссы и евреи.

* * *

На Подкарпатской Руси ежегодно гастролируетъ четыре професіональныхъ театра: «Руській театръ Просвѣты», но существу своему украинскій, хотя онъ пользуется и рус-

скимъ классическимъ репертуаромъ въ переводѣ на малорус-
скій языкъ, чешскій «Восточнословацкій театръ», мадьярскій
театръ Полгара и еврейскій театръ «Габима». Естественно,
что, ввиду малочисленности чеховъ, главнѣйшій контингентъ
публики на представленияхъ «Восточнословацкаго театра»
составляютъ иныя народности, въ томъ числѣ карпатороссы.
Кромѣ профессионального театра имѣется въ городахъ рядъ
любительскихъ организацій, какъ чешскихъ, такъ и рус-
скихъ. Въ минувшемъ году возникъ вопросъ о совмѣстныхъ
выступленияхъ чешскихъ и русскихъ любительскихъ орга-
низацій, главнымъ образомъ съ цѣлью созданія «славян-
скаго» кадра публики, который бы могъ и идейно и мате-
риально укрѣплять работу любителей театрального искусства.
Правда, до сихъ поръ еще эти совмѣстные выступленія и
выѣздъ на совмѣстные гастроли не получили систематиче-
скаго характера, но надѣемся, что «Славянское объединеніе
любителей театрального искусства» въ недалекомъ будущемъ
приметъ вполнѣ реальную форму, такъ какъ тенденціи къ
этому имѣются съ обѣихъ сторонъ. Помимо активнаго уча-
стія чеховъ на мѣстахъ въ развитіи сельскаго театра, на-
блюдается еще и оригинальное содѣйствіе этому развитію.
Въ вопросныхъ листахъ и газетныхъ сообщеніяхъ особенно
всегда подчеркивается, что на представленіе пришли не
только свои селяне, «но и чешская публика». Эта чешская
публика, конечно, не многочисленна, 5—10 урядниковъ на
мѣстѣ, но какое крупное моральное значеніе въ жизни теат-
рального кружка играетъ это, такъ сказать, иностранное по-
четное посѣщеніе! Есть мѣста, гдѣ между чехословаками и
карпатороссами, въ смыслѣ посѣщаемости забавъ, устано-
вился полный контактъ, прообразъ подлинной культурной
взаимности, какъ это наблюдается въ Густѣ, Перечинѣ, Ра-
ховѣ, Вел. Березномъ и др. селахъ и городахъ.

* * *

Относительно организаціи сельскихъ и окружныхъ кар-
паторусскихъ хоровъ можно сказать, что она свободно
осуществилась только за послѣднее десятилѣтіе. Въ воспо-
минаніяхъ Е. И. Сабова разсказывается, что и прежде, а осо-
бенно на Пряшевской Руси, организовывались русскіе хоры,
но они всегда были связаны, по крайней мѣрѣ официально,
съ церковной службой. Своебразная карпаторусская пѣсня
при официальныхъ выступленіяхъ этихъ хоровъ на разнаго
рода торжествахъ вкрапливалась только въ видѣ отдель-
ныхъ номеровъ чисто мадьярского репертуара. Въ настоящемъ

время организація хоровъ національного значенія поощряется правительствомъ, а въ репертуаръ хоровъ обычно входятъ на равныхъ основаніяхъ пѣсни — русскія вообще, карпаторусскія и малорусскія, чешскія и словацкія. Любопытно отмѣтить, что хотя мадьярская пѣсня, въ силу понятныхъ обстоятельствъ, и была знакома карпатороссамъ, можетъ быть даже болѣе, чѣмъ родная, въ смыслѣ артистичности исполненія, но въ настоящее время она совершенно забывается. Никакихъ препятствій къ исполненію мадьярскихъ пѣсень со стороны властей не ставится, но она органически уходитъ изъ быта. Что касается пѣсенъ чешскихъ, то ввиду отсутствія непосредственного соприкосновенія карпатороссовъ съ чешскимъ народнымъ бытомъ, въ репертуаръ хоровъ проникаетъ главнымъ образомъ не народная, а искусственная модная пѣвческая лирика, романсь современности, кочующій, какъ очередной «гвоздь сезона», по всей республикѣ. Хоры съ опытными диригентами поютъ и болѣе серьезныя чешскія вещи, обычно — компонированную народную пѣсню.

* * *

Гораздо болѣе важны взаимоотношенія карпатороссовъ и чеховъ въ области музыки и организаціи, какъ любительскихъ сельскихъ духовыхъ, такъ и полупрофессиональныхъ симфоническихъ оркестровъ. Въ прежнее время русского національного оркестра на Подкарпатской Руси, при всемъ интернаціональномъ значеніи музыкального искусства, не существовало. Села охотно, часто на свои средства, организуютъ оркестры, и при этомъ наибольшимъ затруднениемъ является отысканіе диригента. Въ началѣ приглашали цыганъ-профессионаловъ, которыхъ на Подкарпатской Руси имѣется достаточно. Теперь-же, когда чешскіе урядники болѣе или менѣе осѣли на мѣстахъ, чехи стали въ полномъ смыслѣ слова музыкальными инструкторами сельскихъ оркестровъ. При этомъ важно отмѣтить, что они стремятся не нарушать національного значенія оркестра и постепенно воспитываютъ изъ селянъ примитивныхъ диригентовъ, представляя имъ право управлять оркестромъ при выступленіяхъ. Сельскіе оркестры исключительно духовые, ихъ репертуаръ состоитъ почти исключительно изъ танцевъ и маршей, такъ что о его національномъ качествѣ говорить не приходится. Общество им. А. Духновича имѣеть два оркестра балалаечниковъ.

На Подкарпатской Руси въ настоящее время имѣется нѣсколько музыкальныхъ обществъ профессионально-художественного значенія, и въ нихъ явное большинство составляютъ чехословаки, которые въ данномъ случаѣ охотно идутъ на сближеніе съ музыкантами карпатороссами. Если мукачевское общество «Сметана» является чешскимъ по существу, то ужгородская Філармонія им. А. Духновича, реорганизованная изъ Філармонического Сдруженія, имѣетъ въ своей средѣ почти исключительно чеховъ и карпатороссовъ. Въ 1925—26 годахъ Філармонія съ исключительнымъ успѣхомъ выступала въ цѣломъ рядѣ городовъ на Подкарпаты и Пряшевщинѣ, исполняя вещи русскихъ, чешскихъ и иностранныхъ композиторовъ.

* *

Наконецъ, въ связи съ упоминаніемъ читаленъ, слѣдуетъ сказать о лекціяхъ. На основаніи офіціальныхъ данныхъ въ 1928 году лекцій было прочитано 5.150, количество весьма солидное. Въ числѣ излюбленныхъ темъ имѣется и тема славянства въ широкомъ смыслѣ этого слова. Лекторы рассказываютъ исторію славянскихъ племенъ, возникновеніе славянского движенія, судьбы славянъ въ Австро-Венгрии, при чемъ значительное вниманіе при этомъ удѣляется чехословакамъ, научно и поэтически конкретизировавшимъ смутное славянское чувство. Очень важно при этомъ отмѣтить, что почти всегда наше добровольное присоединеніе къ республикѣ трактуется изъ чувства славянского братства. Такимъ образомъ и понынѣ высокое и чуждое меркантильности славянство на Подкарпатской Руси играетъ не только идейную, но и практически полезную роль. Изъ чисто чешскихъ темъ, не считая, конечно, темъ касающихся нашей республики вообще, можно указать лекціи о Святополкѣ Моравскомъ, о св. Вячеславѣ (Вацлавѣ), о Янѣ Гусѣ, о Жижкѣ, наконецъ, изъ современныхъ — о президентѣ Масарикѣ. Тема о Т. Г. Масарикѣ преподносится при этомъ не столько съ точки зрењня государственного строительства, сколько въ видѣ поучительной исторіи о человѣкѣ стойкомъ въ убѣжденіяхъ и любящемъ работу на пользу родного народа, а также обязательно прибавляется — и всего славянства, о человѣкѣ, изъ простой семьи вышедшемъ, благодаря своему усердію, на міровое поприще. Юбилейное торжество въ честь Т. Г. Масарика состоялось почти во всѣхъ читальняхъ Подкарпатской Руси, при чемъ, помимо лекцій о юбилярѣ, местными поэтами слагались въ честь президента

й стихи. Одно изъ такихъ стихотвореній приводимъ польностью:

Нашъ президентъ Масарикъ Ѹома
Самъ спозналъ, что есть народовъ тюрьма,
И, свободу забезпечити радъ,
Проповѣдалъ, что славянъ славяну есть братъ.
Стой нѣмецъ, стой мадьяръ
Ты дуже много пановалъ,
Уже свободы свѣтъ просіялъ,
Славянъ славяну руку даетъ,
И русскій тоже проснулся, живетъ !
Стой нѣмецъ, стой мадьяръ,
Ты хотѣлъ славянъ побѣдити
И власть свою закрѣпiti,
Только уже часъ твой поминулъ,
Масарикъ всѣхъ славянъ проснуль (т. е. пробудилъ),
И живеть славянска родина
Чеха, словаика, русина !
Всякая весница спѣваетъ,
Масарика, якъ отца, споминаетъ :
Да живеть !

Эти наивныя и отъ всего сердца сложенные строфы, какъ онѣ отличаются отъ двусмысленныхъ восхваленій Франца-Іосифа — «отца русскихъ» !

* * *

Послѣ переворота русская книга впервые на Подкарпатской Руси получила законныя права. По приблизительной статистикѣ за десять лѣтъ, по russki, считая печатные листы, напечатано книгъ въ восемь разъ больше, чѣмъ за все время отъ 1851 года и до войны. Несмотря на то, что главнѣйшія усилія карпатороссовъ, естественно, направлены къ изданію родной литературы, все же находимъ и достаточный матерьяль, указывающій и на литературныя взаимоотношенія съ чехами.

И въ этой области значительную роль играетъ личность Т. Г. Масарика. Въ 1924 году Общество им. А. Духновича выпустило популярную брошюру съ характеристикой президента, и въ томъ же году потребовалось ея второе изданіе: для Подкарпатской Руси явленіе совершенно исключительное. Къ юбилею Масарика въ 1925 году въ Т-вѣ «Просвѣта» вышелъ особый сборникъ, посвященный личности президента. Въ юбилейный годъ республики Общество им. А. Дух-

новича выпустило книжку проф. В. А. Францева «Десять лѣтъ свободной жизни чехословацкаго народа» и книгу д-ра Евгенія Недзѣльскаго — Изъ Чешской Лирики», получившую одобреніе не только чешской, но и русской заграничной прессы. Появился цѣлый рядъ переводовъ съ чешскаго: пьесы «Месть» (Помста) Эмиліана Вахека и «Грандъ Отель Невада» Ф. Лангра (пер. К. Коханнаго), сказки Эрбена — «Три золотыхъ волоса», Каролины Свѣтлой — «Школа — мое счастье» (пер. А. Воронъ), Алоиза Ираска — «Отецъ» (пер. К. Коханнаго), Вальдессари-Плюмловской — «Золотая гусочка» (пер. М. Дворянъ), Деймека — «Гражданинъ, его права и повинности» (пер. К. Коханнаго), Тисовскаго — «Пригоды малой мыши», Карафіата — «Храбачки» (переводы К. Коханнаго), Берана-Робля — «Водяникъ» (пер. М. Дворяна) и друг., не считая цѣлаго ряда учебныхъ книгъ. Въ настоящее время Общество им. А. Духновича издаетъ значительную книгу «Избранные разсказы Яна Неруды» (пер. Евг. Недзѣльскаго), которая является первой книгой цѣлой серіи переводовъ «Избранныхъ сочиненій» многихъ другихъ авторовъ, въ первую очередь Божены Нѣмцовой, Юлія Зейера и Сватоплука Чеха.

* * *

Мы не говоримъ уже о томъ, что многія изъ газетъ Подкарпатской Руси охотно печатаютъ переводы чешскихъ статей, не только политического, но и культурно-общественного порядка. Кроме того интересъ къ чешской книгѣ возникъ и въ рядѣ русскихъ библіотекъ, гдѣ за неимѣніемъ некоторыхъ книгъ по специальнымъ вопросамъ на русскомъ языкѣ наблюдается широкій спросъ не мадьярской литературы, какъ слѣдовало-бы ожидать, но чешской. Въ городскихъ центрахъ наблюдается широкій спросъ на беллетристику на чешскомъ языкѣ, главнымъ образомъ со стороны карпатороссовъ и затѣмъ евреевъ. Чешскій языкъ для Под-Карпатской Руси въ настоящее время начинаетъ играть роль и посредствующаго звена для перевода англійскихъ и французскихъ авторовъ. Поскольку весь этотъ интересъ исходить непосредственно отъ карпатороссовъ, постольку онъ является важнымъ звеномъ въ чешско-карпаторусскихъ взаимоотношеніяхъ.

Интересъ чехословаковъ къ Подкарпатской Руси осуществляется въ двухъ параллельныхъ плоскостяхъ. Во первыхъ, нашъ край, какъ часть республики, конечно, вызвалъ интересъ научно-государственного порядка, т. е. онъ вошелъ

въ кругъ науки тѣхъ ученыхъ институцій, которыя имѣютъ общегосударственное значеніе. Появился рядъ трудовъ, связанныхъ съ археологіей, этнографіей, географіей, хозяйствомъ Подкарпатской Руси. Въ связи съ этимъ интересомъ вышла въ изданіи Географического Устава Карлова Университета весьма значительная книга д-ра Иржи Краля — «Географическая бібліографія Подкарпатской Руси» (Прага, 1923, стр. 64), имѣющая отдѣлы: 1) бібліографіи вообще, 2) хорографіи, 3) физической географіи и прикладныхъ наукъ, 4) антропогеографіи и ея прикладныхъ наукъ и, наконецъ, 5) отдѣль картъ и атласовъ. Сюда включено вообще все написанное о Подкарпатской Руси до 1923 года, независимо отъ языка и государственной принадлежности. Всего перечислено 1316 книгъ и статей. Важно то, что эта книга составлена чехомъ.

Съ другой стороны, интересъ чеховъ къ нашему краю имѣеть значение и не только научное, но и включающее въ себя элементъ общественно-культурного порядка. Для нашей темы это представляеть особенно важный интересъ: по доброй волѣ и, возможно, по симпатіи къ нашему народу чехи своими научными и писательскими трудами пришли намъ на помощь въ изслѣдованиіи нашего культурного и историко-бытового матерьяла.

Важно отмѣтить, напр., что первая попытка собранія стиховъ А. В. Духновича и изданія ихъ принадлежить чеху д-ру Франтишку Тихому. Первые работы въ области изслѣдованія и классификаціи карпаторусскихъ вышивокъ и національныхъ костюмовъ, столь богатыхъ и разнообразныхъ у насъ, исполнены чешскими женщинами — А. Кожминовой, Маріей Тумовой и др. Первые работы по исторіи оригинальной архитектуры деревянныхъ церквей написаны чехами. Особенно важно отмѣтить въ этой области богатое и высокохудожественное изданіе подъ редакціей д-ра Зденека Вирта — «Деревянныя церкви на Подкарпатской Руси». Изслѣдованию знаменитой горянской ротонды посвящены книги Флоріана Заплетала и Свободы.

По ініціативѣ чеховъ вышелъ цѣлый рядъ книгъ, посвященныхъ общему изслѣдованию жизни и быта нашего края: *Osm přednášek o Podkarpatské Rusi* въ изд. Českého učení politického Прага, 1924, переведенная и на русский языкъ, книжка К. Коханнаго *Podkarpatská Rus* въ изд. «Обčanská knihovna» и другія.

Любопытно отмѣтить, что и книга, изданная карпато-

<http://rusyns-library.org> – «Русинська Бібліотека - ІІФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015
россами въ Америкѣ о своей родной землѣ, написана чехо-
словаками — I Хмеляромъ, Ст. Климой и Я. Нечасомъ («Под-
карпатская Русь», изд. «День», Нью-Йоркъ, 1924). Большое
количество статей, посвященныхъ красотамъ, обычаямъ,
жизни и культурѣ Подкарпатской Руси появилось въ раз-
личныхъ чешскихъ и словацкихъ повременныхъ изданіяхъ:
«Světozor», «Moravský Zpravodaj», «Slovenské Pohľady», «Hvě-
zda» и друг.

Въ области художественной литературы пока ничего зна-
чительного, связанного съ Подкарпатской Русью, не имѣется,
но зато важно отмѣтить тенденцію воспользоваться экзо-
тикой жизни нашего края при созданіи легкой новеллы. Та-
кого рода произведенія неоднократно появлялись въ рядѣ
чешскихъ газетъ, выходящихъ въ Ужгородѣ. Особо слѣду-
етъ отмѣтить роскошное изданіе книги стиховъ и гравюр-
ныхъ работъ Йосифа Спилки — «Бронз», гдѣ имѣются и
карпаторусскіе мотивы. Самый фактъ появленія на Подкар-
патской Руси такого художественного чешского изданія яв-
ляется знамѣнательнымъ. Мы полагаемъ, что такого рода
произведеніямъ въ недалекомъ будущемъ предстоить из-
вѣстность и обосновываемъ наше предположеніе аналогіей
въ области изобразительного искусства.

* * *

До переворота существовали художники, карпато-
rossы по происхожденію, но оригинального карпаторусского
художества не существовало. Послѣ переворота въ средѣ
художниковъ-карпатороссовъ начались попытки своеобраз-
наго подхода къ темамъ родного края, какъ въ смыслѣ им-
прессіи, такъ и съ формальной стороны, а именно въ исполь-
зованиіи красокъ и аксессуаровъ народнаго художественнаго
творчества, какъ орнаментика, вышивка и т. д. Въ области
импресіи создали удачныя работы К. Изай и Б. Эрдели, въ
области использованія аксессуаровъ выдвинулся І. Бокшай.
Б. Эрдели и І. Бокшай получили предложеніе изъ Праги
экспонировать свои работы, и выставки ихъ прошли съ боль-
шимъ успѣхомъ. Такого рода поощреніе развитія національ-
наго искусства, въ высокомъ значеніи этого слова, со сто-
роны Праги Чешской оказалось весьма благопріятное вліяніе
на нашихъ художниковъ: они учили свою національную зна-
чимость. Съ другой стороны — Подкарпатская Русь съ ея
оригинальнымъ бытомъ и пейзажемъ увлекала цѣлый рядъ
художниковъ чехословакскихъ, къ числу которыхъ въ пер-
вую очередь относятся: Пржитода, Гудечекъ, Ржига, Сула;

Фолтынъ, Штестикъ и др. Ихъ работы вызвали интересъ въ Прагѣ, а кромѣ того и въ Ужгородѣ было создано чехословаками нѣсколько художественныхъ выставокъ, посвященныхъ Подкарпатской Руси, что въ свою очередь благопріятно отразилось на самой тенденціи художественного изображенія нашего края. Теперь, если еще и нельзя сказать, что карпаторусская живопись нашла свой путь, то во всякомъ случаѣ съ полнымъ правомъ можно утверждать, что въ живописи въ предѣлахъ нашей республики имѣется значительная и талантливо представленная область, посвященная пейзажу, быту, жизни и психологіи Подкарпатской Руси. Думается, что аналогичное явленіе произойдетъ и въ области художественной литературы, во всякомъ случаѣ тенденція къ этому уже намѣтилась.

Кромѣ того и чешская школа, въ области изобразительныхъ искусствъ открыла для карпатороссовъ широкія возможности. Такъ, напр., талантливѣйшая скульпторша-карпаторосска Елена Мондичъ-Шинали, окончившая Академію Художествъ въ Прагѣ по классу Яна Штурсы, и нынѣ нѣсколькими памятниками (Е. А. Фенцику, А. И. Добрянскому и г. Президенту Т. Г. Масарику) украсила нашъ столичный городъ и въ то-же время получаетъ заказы отъ правительственныхъ учрежденій.

Говоря объ оригинальности народнаго быта и искусства на Подкарпатской Руси, нельзя не упомянуть, что первая попытка коллекціонированія въ этой области тоже исходитъ не только отъ самихъ карпатороссовъ, но и тѣхъ чешскихъ круговъ и учрежденій въ Прагѣ, которые содѣйствовали получению средствъ на выполненіе этой огромной и, съ точки зрењія карпатороссовъ, большого національнаго значенія работы. Въ 1924 году въ Ужгородѣ, а затѣмъ въ Прагѣ состоялась выставка подъ титуломъ «Жизнь и искусство Подкарпатской Руси», восторженно отмѣченная всей чешской и русской заграничной прессой. Въ 1928 году эта-же коллекція, значительно пополненная и болѣе систематично представлена (К. Коханнымъ) фигурировала на «Выставкѣ современной культуры» въ Брнѣ, а затѣмъ часть экспонатовъ была передана Школьнымъ Отдѣломъ Национальному Этнографическому Музею въ Прагѣ. Такимъ образомъ и съ точки зрењія научнаго изученія и охраны памятниковъ народнаго и одновременно національнаго творчества Подкарпатская Русь вошла въ аспектъ ученыхъ інституцій государственного значенія. Съ другой-же стороны, именно благодаря содѣйствію

ческихъ ученыхъ институцій въ Прагѣ въ настоящее время у насъ осуществляется давняя мечта созданія «Земского Музея на Подкарпатской Руси». Весьма любопытна и поучительна самая исторія сбиранія матерьяловъ для этого музея. Подкарпатская Русь въ научномъ отношеніи съ точки зре-нія изученія палеолитического и особенно неолитического периода представляеть для всего ученаго міра исключительный интересъ. Этотъ ученый интересъ выявился еще задолго до войны, однако мадьярское правительство не сдѣлало рѣшительно ничего къ тому, чтобы собрать матерьяль въ на-шемъ краѣ для научныхъ изслѣдованій. Тогда занялся этимъ дѣломъ меценатъ-археологъ Теодоръ Леготскій и на свои средства собралъ богатую коллекцію (6.000 предме-товъ), какъ въ области археологии, такъ и по части истори-ческихъ памятниковъ Подкарпатской Руси. Леготскій неод-нократно обращался въ Будапешть съ просьбой о поддер-жкѣ его работы, но мадьярское правительство даже не позаботилось о томъ, чтобы цѣннѣйшіе матерьялы получили надлежащее хранилище. Т. Леготскій скончался въ 1916 году, и его собраніе перешло въ частныя руки, ничего общаго съ наукой не имѣющія, и, по всей вѣроятности, было бы пере-продано и вывезено, если-бы правительство республики тот-часъ-же послѣ переворота не перекупило его и не положило въ основу будущаго музея. Въ настоящее время археологи-ческая часть состоитъ подъ охраной Государственного Архе-ологического Института въ Прагѣ, но находится въ Мука-чевѣ, гдѣ для временнаго храненія матерьяловъ быль пріоб-рѣтенъ особый домъ. Въ настоящее время собраніе Легот-скаго, дополненное этнографическимъ матерьяломъ изъ кол-лекціи Школьного Отдѣла, является достояніемъ организу-емаго «Земского Музея Подкарпатской Руси» съ мѣстопре-бываніемъ въ Мукачевѣ. Такимъ образомъ то, что могло совершенно исчезнуть, благодаря перепродажѣ, изъ исторіи культурной жизни нашего края, благодаря содѣйствію праж-скихъ ученыхъ круговъ и матерьяльной помощи правитель-ства, ляжетъ въ основу нашей національной гордости.

* * *

Помимо установленія тѣсныхъ взаимоотношеній между чехословаками и карпатороссами въ области чисто культур-ной, слѣдуетъ отмѣтить еще одну сторону жизни, гдѣ чехо-словаками проявлено особое вниманіе Подкарпатской Руси. Мы имѣемъ въ виду туристику и спортъ.

До переворота нашъ живописный край не привлекалъ

особаго вниманія туристовъ и публично не пропагандировался. Если посмотретьъ «Časopis Čsl. Turistů», то мы найдемъ въ немъ цѣлый рядъ статей съ описаніемъ нашихъ сель, горъ, рѣкъ, дорогъ и природныхъ красотъ, о которыхъ мы, карпатороссы, до сихъ поръ были самаго скромнаго мнѣнія. За послѣднее время Подкарпатская Русь для чсл. туристовъ является краемъ изслѣдовательского интереса, ознакомленія съ его оригинальнымъ бытомъ, что, конечно, содѣйствуетъ и взаимному нашему знакомству. Въ тѣсной связи съ тури-стикой возникли на Подкарпатской Руси періодическія спор-тивныя состязанія, какъ бѣгъ на лыжахъ, хоккей, футъ-болъ и друг. Организовался рядъ спортивныхъ обществъ интер-національнаго и національнаго значенія, пробудившій въ нашей молодежи жажду физического воспитанія, до сихъ поръ находившагося въ полномъ забвениі. Узкія рамки кра-евого спорта расширились до масштаба участія въ спортив-ной жизни всей нашей республики. Немалое значеніе въ области нашихъ взаимоотношеній съ чехословаками имѣютъ частныя организаціи духовно-физического воспитанія, какъ «Соколь» и скаутизмъ. Конечно, въ культурномъ отношеніи все эти связи имѣютъ прикладное, вспомогательное значе-ніе, но и ихъ необходимо учитывать и привѣтствовать.

Наконецъ, крупное значеніе для нашихъ взаимоотноше-ній въ будущемъ играетъ роль наша университетская моло-дежь, смѣнившая Вѣну и Будапешть на Прагу, Брно, Бра-тиславу и Пржибрамъ. Должны отмѣтить съ большимъ удо-влетвореніемъ, что взаимообщеніе между студентами чехо-словаками и карпатороссами, несмотря на преобладаніе первыхъ, отнюдь не отражается неблагопріятно въ смыслѣ на-ціональномъ. И чешскіе и словацкіе студенты прошли боль-шую школу въ національномъ отношеніи, и карпатороссы въ общеніи съ ними переняли отъ нихъ національную стойкость. Въ совершенствѣ овладѣвъ чешскимъ языкомъ, войдя въ центръ національнаго студенческаго движенія, карпатороссы только точнѣ и стойче формулировали свое національное кредо въ полномъ kontaktѣ съ чехословаками. Больше того, карпаторусскіе студенческие круги въ Прагѣ, создавъ свой хоръ, свой театральный кружокъ, свой оркестръ — періоди-чески знакомятъ Прагу съ нашимъ національнымъ иску-ствомъ и на различныхъ торжествахъ съ достоинствомъ пред-ставительствуютъ Подкарпатскую Русь. Воспитанная въ новомъ духѣ, непосредственно общающаяся съ чехословац-кими студенческими кругами, эта молодежь и явится въ бли-

жайшемъ будущемъ первымъ поколѣніемъ новой карпато-русской интелигенціи, окончательно разорвавшей съ періодомъ старой денационализациі.

Изъ среды этой университетской молодежи уже въ настоящее время выдѣлилось нѣсколько талантливыхъ юношей, работающихъ на почвѣ культурно-національного творчества. Къ числу ихъ относятся два талантливыхъ поэта — А. Карабелешъ и М. Поповичъ, развившіе свое дарованіе уже послѣ переворота и давшіе произведенія, отмѣченныя не только мѣстной, но и вообще русской прессой. Конечно, это всецѣло является достижениемъ новаго времени, предполагающимъ поощреніе національного творчества и дающимъ къ тому общую школу просвѣщенія, не противорѣчащую національному духу.

* * *

Мы считали-бы нашъ очеркъ незаконченнымъ, если-бы не упомянули о нѣсколькихъ датахъ, какъ бы формулирующихъ результатъ нашихъ взаимоотношеній съ чехословаками за время совмѣстной работы въ предѣлахъ республики.

Въ 1928 году въ Ужгородѣ былъ открытъ памятникъ г. президенту республики Т. Г. Масарику, и на торжествѣ открытія въ рѣчи представителя отъ карпатороссовъ немало словъ было произнесено съ упоминаніемъ того славянскаго чувства, которое въ послѣднее полустолѣтіе систематической денационализациі со стороны Австро-Венгерского правительства, удерживало нашъ народъ отъ отчаянія и крѣпило надежду на освобожденіе.

Въ томъ-же году на Словакіи въ Михаловцахъ на торжественномъ банкетѣ при торжествѣ открытія памятника карпатороссу А. И. Добрянскому на словацкой землѣ указывалось неоднократно на ту платформу, которая послужить культурной базой для тѣсныхъ взаимоотношеній между чехами, словаками и карпатороссами. Эта платформа предполагаетъ, помимо доводовъ разума, и чувство славянскаго братства, взаимную любовь и ея культь въ средѣ славянскихъ народовъ республики.

Въ 1929 году въ Прагѣ состоялось торжество перенесенія старѣйшей деревянной карпаторусской церкви въ Прагу. Со стороны карпатороссовъ было подчеркнуто, что перенесеніе этой святыни изъ Подкарпатской Руси въ Землю Чешскую должно символизировать взаимное довѣріе, основанное на братской любви.

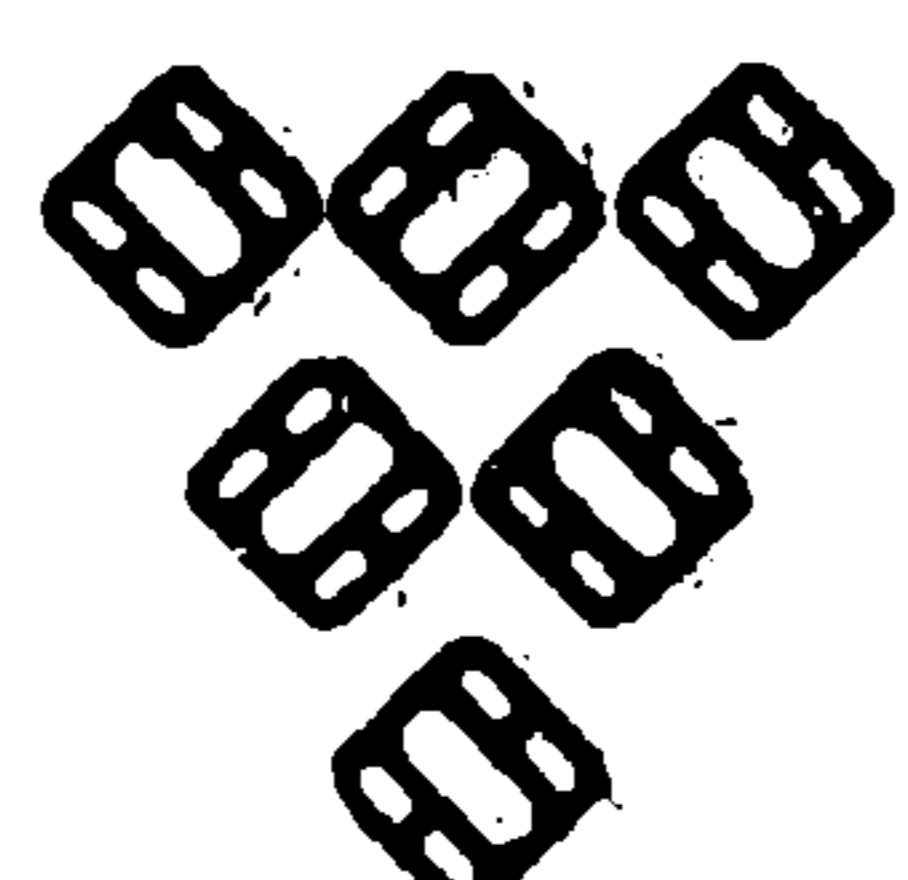
Это необходимо учесть, чтобы формулировать -- чего

Первое десятилѣтіе, связанное съ переворотомъ и пред-
шествовавшей войной, не можетъ быть учитываемо, какъ
нормальный періодъ государственной и національной жизни.
Требовались особыя усиленія, чтобы преодолѣть развалъ, уна-
слѣдованный отъ прошлаго, реорганизовать жизнь, создать
новые культурные очаги, недавно еще числившіеся въ ин-
дексѣ неблагонадежныхъ, на закономъ освобожденной и
призванной къ жизни идеологической базѣ, отъ мечты пе-
рейти къ сложной работѣ, парализовать происки междуна-
роднаго характера, не только въ области политики, но и
національно-культурной жизни. Если привилась свободная
ініціатива общественнаго характера къ установленію тѣс-
ныхъ взаимоотношений между чехословаками и карпаторос-
сами, то отъ будущаго, какъ болѣе благоустроенного и яс-
наго, мы должны ожидать большаго и по масштабу и по
количество. Что-же касается качества взаимоотношений,
то, здѣсь наученные жизнью, мы должны признать извѣст-
ную поправку Карела Гавличка къ теоріи славянофи-
лоовъ: сначала культурно - національное возвышеніе славян-
скихъ народовъ, а затѣмъ всеславянство. Въ отношеніяхъ
между карпатороссами и чехословаками, согласно этому
правилу, должно прежде всего установиться культурно-на-
ціональное взаимоуваженіе, изъ котораго, какъ слѣдствіе,
вытекаетъ та альтруистическая любовь, которой преиспол-
нены вдохновленныя теоріи славянофиловъ. Послѣ тяжкаго
вѣкового чужеземнаго ига карпатороссы получили право
свободнаго національнаго возрожденія, у нихъ, несмотря на
горечь всего испытаннаго, имѣется національная традиція.
Чехословаки во имя блага государственного и общеславян-
скаго должны учесть смыслъ этой традиціи и способство-
вать ея осуществленію въ формахъ настоящаго, не нарушая
и не направляя во имя партійно-политическихъ соотношений
въ чуждое русло. Чехи культурно властны въ Чехіи, словаки
на Словакіи, карпатороссы на Подкарпатской Руси, взаимо-
отношенія должны руководиться закономъ взаимнаго ува-
женія, и тогда наше гражданское единство будетъ базиро-
ваться не только на законѣ и долгѣ, но и на той любви,
о которой мечтаешь, которую чаетъ жестокая міровая со-
временность.

У насъ съ чехословаками было прошлое, есть настоящее,
а уже однимъ тѣмъ, что мы пишемъ эти строки, доказыва-
ется наша общая работа въ будущемъ.

Работы того же автора:

- 1) Философія S. Gerharda. Budapest, 1918.
- 2) Интуиція. Ужгородъ, 1918.
- 3) Пѣсни Подкарпатскихъ Русиновъ. I. Прага, 1921.
- 4) Пѣсни Подкарпатскихъ Русиновъ, II. Прага, 1922.
- 5) Дѣятельность О-ва А. Духновича 1922—1926. Ужгородъ, 1926. (Изд. О-ва. Ч. 24).
- 6) Нашъ Національный гимнъ. Ужгородъ, 1926. (Изд. О-ва. Ч. 26).
- 7) Народный Календарь О-ва А. Духновича. 1928. (Изд. О-ва. Ч. 31).
- 8) Народный Календарь О-ва А. Духновича 1929. (Изд. О-ва ч. 44).
- 9) Галиція. Ужгородъ, 1928. (Изд. О-ва ч. 49).
- 10) Теорія Музыки и Народныя пѣсни (III) (печатается).
11. Народный календарь О-ва им. А. Духновича 1930. (Изд. О-ва).
12. Чехословакъ и карпатороссы, изд. О-ва им. А. Духновича. (Изд. О-ва ч. 66).
13. Списокъ книгъ рекомендованныхъ въ сельскія библіотеки, изд. Подкарпаторусск. Народопросвѣтит. Союза.
14. Редакція: Журналъ «Карпатскій Свѣтъ». Ужгородъ. 1928, 1929.

ИЗДАНІЯ О-ВА ИМ. АЛ. ДУХНОВИЧА ВЪ УЖГОРОДѢ.

1. Евменій Сабовъ: Грамматика русскаго языка для средн. учебн. зав. Подк. Руси. Ч. I. Этимологія. Ужгородъ 1924 г. 12 кч.
2. В. А. Францевъ: Къ вопросу о литературномъ языке Подкарпатской Руси. Ужгородъ 1924. (Разошлось). 2 кч.
3. Нар. Библ. ч. 1. И. Поливка: Что такое библиотека?; И. Поливка: Первые учители и просвѣт. Славянъ; П.Федоръ: Пьянство—гибель народа; М. Микита: Объ уходѣ за удобреніями. Ужгородъ, 1925 г. 1 кч. 50 гел.
4. Нар. Библ. ч. 2. Нашъ Презид. Фома Масарикъ. (Разошлось). 1.50 кч.
5. Нар. Библ. ч. 3. Объ охранѣ отъ заразныхъ болѣзней (хворотъ). Питаніе человѣка. Ужгородъ, 1925. (Разошлось). 1.50 кч.
6. Нар. Библ. ч. 4. О дружествахъ земледѣльцевъ. Ужгородъ, 1925. (Разошлось). 1.50 кч.
7. О литературн. языке карпаторос. и грамматика Е. Сабова. 1925, 2 кч.
8. Е. Сабовъ: Очеркъ литерат. дѣят. и образов. карпаторосс. 1925. 4 кч.
9. Нар. Библ. ч. 5. Познай себя. Бесѣда о нашемъ языке. Ужгородъ, 1925. 1.50 кч.
10. Нар. Библ. ч. 6. Разсказы о жизни животныхъ. Ужгородъ, 1925. 1.50 кч.
11. Д-ръ Ю. Гаджега: О-во им. А. Духновича и русск. женщ. 1925. 2 кч.
13. Д-ръ І. Каминскій: Національн. самосознаніе нашего народа. 1926. 2 кч.
14. Евм. Сабовъ. Рѣчь о А. Духновичѣ въ Севлюшѣ. 1925. 2 кч.
15. Нар. Библ. Нашъ президентъ є. Масарикъ. II-е изд. 1925. 1.50 кч.
16. Д-ръ Ю. Гаджега: Ист. О-ва св. Василія Вел. 1925. (Разошлось). 5 кч.
17. Народная Библиотека. Лисица. Отзывъ прадѣдовъ. 1925. 1.50 кч.
18. Народная Библ. Воздѣлываніе кукурузы. В. Бензина. 1926. 8 кч.
19. Народная Библ. Народный катехизъ. 1926. (Разошлось). 1.50 кч.
20. П.С. Федоръ: Краткій очеркъ дѣятельн. А.И. Добрянского. 1926. 2 кч.
21. Е. Сабовъ: Рѣчь по случаю открытия памятн. А.Е. Фенцика. 1926. 2 кч.
22. Д. Н. Вергунъ: А. Е. Фенцикъ и его мѣсто въ русской literat. 2 кч.
23. Н. Павловичъ: Русская культура и П. Русь. 1926. (Разошлось). 2 кч.
24. Д-ръ С. Фенцикъ: Дѣятельность О-ва Духновича. 1922-1926. 8 кч.
25. Д-ръ І. Каминскій. Народн. Календарь О-ва. 1927. (Разошлось). 5 кч.
26. Духновичъ—Ст. Фенцикъ: Нашъ національный гимнъ. 1926. 2 кч.
27. А. Бобульскій: «Нѣмая невѣста». Пьеса въ 1 дѣйств. 1926. 2 кч.
28. И. Лаппо: Происхожд. украинск. идеологіи новѣйш. врем. 1926. 2 кч.
29. Д-ръ Ю. Гаджега: Краткій обзоръ научной дѣятельности Ю. И. Венелина (Гуцы). 1926. 5 кч.
30. Проф. д-ръ А. Петровъ: Древнѣйшая церк.-слав. грамота 1404 г. о Карпаторусской территоріи (съ фотогр. снимкомъ грамоты). 3 кч.
31. Д-ръ С. А. Фенцикъ: Нар. Календарь О-ва Духновича на г. 1928. 7 кч.
32. Д. Анталовскій: «Рождественская ёлка», пьеса въ 2 д. 1927. 2 кч.
33. Д-ръ К. Н. Шимановскій: «Первая помощь въ несчастныхъ случаяхъ и при внезапныхъ заболѣваніяхъ». 1927. 2 кч.
34. П. С. Федоръ: «Несчастная судьба», пьеса въ 4 дѣйств. 8 кч.

35. Д-ръ Ю. Гаджега: Исторія Ужгородск. Богосл. Семинаріи. 1928 6 кч.
36. Андрей В. Карабелешъ: Собрание стихотворений.
37. Валерій С. Вилинський. Корни единства русской культуры — ц. 5 кч
38. Георгій Верховинський: Юрко Русинъ и его внучка — ц. 3 кч.
39. И. М. Контратовичъ: Къ истории стародавняго Ужгорода. 5 кч.
40. Антоній Луковичъ: Національная и языковая принадлежность русской части Подкарпатской Руси. 1929. 4 кч.
41. Стихотворения А. Попрадова-Ставровского, собр. д-ръ Н. Бескидъ
42. Д-ръ Ю. Гаджега: Два историческихъ вопроса, 1928. — ц. 5 кч.
43. Д-ръ Н. Бескидъ: Изъ славянского прошлаго. (Печатается).
44. Народный Календарь О-ва на 1929 г. подъ ред. Д-ра Степана А. Фенцика, 1928. — ц. 4 кч.
45. Проф. Θ. Θ. Аристовъ: Бібліографіческій перечень творчества А. В. Духновича, 1928. — ц. 1 кч 50 гел.
46. Д-ръ Евгеній Недзѣльский: Изъ чешской лирики. 15 кч.
47. Проф. А. Флоровский: Замѣтки И. С. Орлая о К. Руси. 2 кч.
48. В. А. Францевъ: Десять лѣтъ свободной жизни Чсл. народа. 3 кч.
49. Д-ръ Ст. А. Фенцикъ: Галиція. 3 кч.
50. Д-ръ Н. А. Бескидъ: Попрадовъ 12 кч.
51. Проф. Ю. А. Яворский: Поученіе о снахъ. 1 кч.
52. Проф. Ю. А. Яворский: Дополненіе къ бібліогр. А. Духновича. 1 кч.
53. Д-ръ Симеонъ А. Сабовъ. 1 кч.
54. Д-ръ. А. Л. Петровъ (печатается).
55. Проф. Θ. Θ. Аристовъ: А. В. Духновичъ. 3 кч.
56. Павель Федоръ: Очерки карпаторусской литературы. 12 кч.
57. Павель Федоръ: Правда побѣждаетъ, пьеса. 5 кч.
58. А. Карабелешъ: Въ лучахъ разсвѣта, стихи 29 кч.
59. Д-ръ С. А. Фенцикъ: Дѣятельность О-ва им. А. Духновича въ 1929 г.
60. Юбилейный сборникъ посвященный Е. И. Сабову.
61. Проф. В. А. Францевъ: Изъ истории письменности Подкарп. Руси XVIII—XIX стол. — 1.50 кч.
62. Проф. Ю. А. Яворский: Національное самосознаніе карпатороссовъ на рубежѣ XVIII—XIX вѣковъ — 1 кч.
63. Проф. А. Л. Петровъ: Къ истории села Каменки — 2 кч.
64. Народный календарь О-ва на 1930 годъ подъ ред. д-ра Степана А. Фенцика — 4 кч.
65. Янъ Неруда — избранные рассказы, пер. и вступ. статья Е. Л. Недзѣльского — 18 кч. (печатается).
66. Д-ръ Степанъ Фенцикъ: Чехословаки и карпатороссы — 5 кч.
67. А. Бобулыський: Въ святой вечеръ, пьеса въ 2-хъ дѣйств. — 6 кч.

